

ПОЛИТ**БЕСТ**

ПОЛНАЯ
ВЕРСИЯ

МИХАИЛ
ПОЛТОРАНИН

ВЛАСТЬ

В ТРОТИЛОВОМ
ЭКВИВАLENTE

Михаил Полторанин

**Власть в тротиловом
эквиваленте. Полная версия**

«Алисторус»

2017

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)-8

Полторанин М.

Власть в тротиловом эквиваленте. Полная версия /
М. Полторанин — «Алисторус», 2017

ISBN 978-5-906979-08-7

Михаил Полторанин, демократ-идеалист, в 1990-х достиг апогея своей политической карьеры: был министром печати и информации, зампредом правительства, правой рукой Бориса Ельцина. Во всей своей зловещей достоверности открылись перед Полтораниным тайны кремлевского двора – он видел, как происходило целенаправленное разрушение экономики России, разграбление ее богатств, присвоение народной собственности кучкой нуворишей. Как это было, какие силы стояли и по-прежнему стоят за спиной власти, в деталях и лицах рассказывает Михаил Полторанин в своей книге, в чем-то покаянной, целиком основанной на подлинных фактах.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-906979-08-7

© Полторанин М., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Предисловие	6
От автора	23
Глава I	28
1	28
2	37
3	41
4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил Никифорович Полторанин

Власть в тротиловом эквиваленте. Полная версия

© Полторанин М.Н., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

*Всякая власть исходит от народа. И никогда уже к нему не
возвращается.
Габриэль Лауб*

Предисловие

За строкой воспоминаний М.Н. Полторанина

Книга Михаила Никифорович Полторанина «Власть в тротиловом эквиваленте» сразу же привлекла к себе внимание читателей. Не только потому, что автор когда-то входил в ближайшее окружение Б.Н. Ельцина, но и потому, что в ней затрагиваются некоторые тайны недавнего времени.

Прежде всего, это касается истоков перестройки.

Широко распространено мнение, будто бы М.С. Горбачев и его команда пытались реформировать советское общество чуть ли не вслепую.

«Никакой программы перестройки не было, – писал бывший шеф КГБ СССР Владимир Александрович Крючков. – Люди путались в догадках относительно того, что же представляет собою этот замысловатый лозунг. *Попытки выяснить*, к чему же мы идем, какие цели преследуем, какие конкретные и перспективные задачи решаем, *наталкивались* на многословие Горбачева, а то и *на глухую стену молчания*».

Отрицал существование программы перестройки и А.Н. Яковлев. Он утверждал, что «преобразования в 1985 году начались *без плана и даже без идей*». «Что касается плана, – разъяснял Александр Николаевич, – то его и не могло быть. Кто в то время мог принять «план» коренной реформации общественного строя, включавший в себя ликвидацию моновласти, моноидеологии и монособственности? Кто? Аппарат партии и государства? КГБ? Генералитет?».

На этом настаивает другой сподвижник генсека В. А. Медведев: «В дискуссиях последних лет часто звучит вопрос: имел ли Горбачев, начиная перестройку, ее программу? Конечно, тщательно разработанной по всем пунктам и подпунктам программы не было, да и не могло быть. *Была сумма идей, на основе которых постепенно формировался новый политический курс*». И далее: «Я считаю, что весь период от мартовского и апрельского Пленумов ЦК КПСС до XXVII съезда включительно и даже до конца 1986 года – это и был период формирования и упрочения политики перестройки».

Между тем директор Института США и Канады, Г.А. Арбатов, которого американцы называли «советским Киссинджером», утверждал, что когда уже после 1991 г. он задал М. С. Горбачеву вопрос о программе реформ, тот ответил, что *к весне 1985 г. имел «общий план»* и уже обдумывал решение «нескольких важнейших проблем», но «что делать дальше», во многом «подсказывал» «ход событий».

О том, что к 1985 г. общая «концепция перестройки» у него была, М.С. Горбачев заявлял позднее сам. «Концепция перестройки была», утверждает Михаил Сергеевич, не было конкретного плана, «как меню или расписания поездов».

Чтобы понять степень искренности бывшего генсека на этот счет, необходимо учесть, что разработку программы перестройки начал еще Ю.В. Андропов в 1982 г. И М.С. Горбачев имел к этому самое непосредственное отношение.

Поднявшись на вершину власти, Михаил Сергеевич немедленно приступил к составлению «плана» конкретных действий. Бывший американский посол Д. Мэтлок утверждает: «Едва заняв пост генсека, Горбачев поручил составление первоначального *проекта «программы»* двум настроенным на реформы соратникам, Александру Яковлеву и Михаилу Полторанину. Их отправили на загородную дачу, дабы они могли несколько недель поработать в тиши и покое...»

Откуда же у американского посла такая информация?

Оказывается, он почерпнул ее 23 сентября 1992 г. из беседы с бывшим тогда вице-премьером М. Н. Полтораниным. И хотя воспоминания Д. Мэтлока были опубликованы в 1995 г., М.Н. Полторанин подтвердил упоминаемый им факт только после того, как в 2003 г. книга Д. Мэтлока появилась в Москве на русском языке.

«Я, – заявил он в 2004 г. на страницах газеты «Москвичка», – работал в «Правде», занимался экономическими проблемами... В 85-м году – весной – написал большую статью об инерции, о том, к чему мы пришли и что нужно делать. Горбачев ее прочитал, отметил пять направлений и включил меня в группу», «которая *той же весной* занялась *подготовкой концепции перестройки*».

Через пять лет в интервью журналу «Русская жизнь» М.Н. Полторанин подтвердил факт своего участия в разработке концепции перестройки и уточнил, что к этой работе его привлек Валерий Иванович Болдин, с которым он был знаком по работе «Правде». Когда М.С. Горбачев начал формировать свою команду Валерий Иванович, ставший к тому времени помощником генсека, порекомендовал ему Михаила Никифоровича. М.С. Горбачев пригласил его для беседы, а после нее отправил «на сталинскую дачу», видимо, в Волынское, где и располагалась рабочая группа.

Из текста последнего интервью явствует, что работа продолжалась «три месяца».

Однако в беседе со мной 2 октября 2012 г. Михаил Никифорович сделал уточнение. Оказывается, одновременно с разработкой концепции перестройки шла подготовка доклада, посвященного научно-техническому прогрессу. Оба документа («Доклад генерального секретаря по научно-техническому прогрессу» – не менее 50 с. и «Предложения по реформированию экономики и политической системы» – 32 с.) были подготовлены примерно за месяц: не ранее 18 марта (публикация упоминавшейся статьи М.Н. Полторанина) – не позднее 23 апреля (открытие Пленума ЦК КПСС).

Сначала предполагалось, что вопрос о научно-техническом прогрессе будет обсуждаться на Апрельском пленуме 1985 г., затем было решено созвать для рассмотрения этого вопроса специальное совещание. В связи с этим, по словам М.Н. Полторанина, в мае-июне доклад по научно-техническому прогрессу был подвергнут доработке.

Следовательно, «три месяца» заняла работа над докладом, а «концепция перестройки» была готова уже к 23 апреля 1985 г.

По свидетельству М.Н. Полторанина, кроме него, в рабочую группу, которая подготовила концепцию, входили академик Абел Гезевич Аганбегян, помощник генсека Аркадий Иванович Вольский, заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС Вадим Андреевич Медведев, сотрудник газеты «Правда», один из авторов воспоминаний Брежнева Александр Павлович Мурзин и директор ИМЭМО Александр Николаевич Яковлев.

Что представляла собой эта команда?

Ученик лауреата Нобелевской премии академика Л.В. Канторовича, А.Г. Аганбегян занимал в это время пост директора Института экономики Сибирского отделения АН СССР. К этому времени он, по его собственному признанию, неоднократно «месяцами работал в Москве на дачах ЦК КПСС», «готовил речи на экономические темы для руководителей государства, материалы съездов и т. д.». Внимание будущего генсека он, по всей видимости, привлек «весной 1984 года», когда «написал Горбачеву доклад о положении в экономике на 132 страницах». «В декабре того же года, – вспоминает А.Г. Аганбегян, – по поручению Горбачева вместе с коллегами я участвовал в подготовке пленума по научно-техническому прогрессу, и меня даже не отпустили встречать Новый год в Новосибирск».

В отличие от А.Г. Аганбегяна А.И. Вольский был известен только в аппаратных кругах. Будучи помощником генсека, он принимал участие в разработке подготавливаемой Ю.В. Андроповым программы реформ, в частности в 1983 г. им был разработан проект реформирования СССР, предусматривающий разделение его на 41 штат.

К реформаторам принадлежал и В.А. Медведев. Характеризуя содержание своей записки от 17 марта, упоминавшейся ранее, он пишет, что особое место в ней занимали два предложения: «освободить партийные комитеты от оперативно-хозяйственных дел» и в связи с этим ликвидировать в ЦК «отделы по отраслям народного хозяйства», а также предоставить членам партии возможность свободного обсуждения любых проблем («не должно быть запретных тем для высказываний и обсуждения»). По существу речь шла об отстранении партии от власти и ликвидации внутрипартийной цензуры.

Обще представление о той позиции, которую занимал А.Н. Яковлев на заре перестройки, дают две его записки, составленные в декабре 1985 г.: «Тезисы об основных слагаемых перестройки» и «Императив политического развития».

В первой из них, который можно назвать «манифестом перестройки» или же программой-максимум, он утверждал, что марксизм – это не более чем религия, что существующий социализм – это «социальный каннибализм», что речь должна идти «не только о демонтаже сталинизма, но и о замене тысячелетней модели нашей государственности». Предлагая «начать своеобразную деиндустриализацию страны», он провозглашал такие цели, как восстановление частной собственности и переход к рыночной экономике».

Во втором документе, который можно назвать программой-минимум, намечались некоторые конкретные шаги, направленные на достижение конечных целей: освобождение партии от хозяйственных и других государственных функций, переход к двухпартийной системе, введение альтернативных выборов, децентрализация управления и т. д.

Возникает вопрос, может быть Александр Николаевич «созрел» до подобного рода идей только к концу 1985 г.?

Послушает его самого: «Деятели, – утверждал он, характеризуя работников аппарата ЦК КПСС, в котором проработал около двадцати лет, причем не где-нибудь, а главным образом в Отделе агитации и пропаганды – были разные: толковые, глупые, просто дураки. Но все были циники. *Все до одного*, и я – в том числе. Прилюдно молились лжекумирам, ритуал был святым, истинные убеждения держали при себе».

Некоторое представление о степени откровенности А.Н. Яковлева в тот период мы можем судить на основании воспоминаний бывшего советского социолога И.Г. Земцова, который летом 1983 г. встречался с Александром Николаевичем в Канаде. Во время этой встречи А.Н. Яковлев заявил: «Не пришло ли время признать, что марксизм с самого начала оказался ошибочным... Коммунисты пытались создать рай на земле... И выяснилось – его построить невозможно».

Таковы были основные участники рабочей группы, перед которой была поставлена задача – составления концепции перестройки.

В упоминавшихся интервью М.Н. Полторанин отмечал, что им были «предоставлены самые секретные материалы Академии наук, Госкомстата, Госплана и даже КГБ», рисовавшие реальную картину положения дел в стране.

Среди них особе место занимала аналитическая записка, которая рассматривала три возможных сценария развития событий: а) если в стране не будет перемен, к началу 2000 г. ее ждет кризис, б) если все ограничиться частными переменами, страна будет оставаться в застое, в) выход из создавшегося положения лежит только на пути серьезных преобразований.

По существу эта записка обосновывала необходимость того, что позднее получило название перестройки.

По всей видимости, именно эта записка упоминается в воспоминаниях А.Н. Яковлева. Составленная возглавляемым им ИМЭМО при участии «ведущих ученых нескольких институтов» и рассматривавшая «перспективы развития советской экономики», она действительно предсказывала: «Если советская экономика и дальше будет развиваться на тех же принципах,

то где-то в последнее десятилетие XX века мы резко откатимся назад примерно на 7-е место по ВВП и окажемся в глубоком экономическом кризисе».

Рабочая группа была ознакомлена также с уже имевшимися предложениями по реформированию страны, в частности с концепцией реформирования экономики, которая к этому времени была разработана Комиссией Н.А. Тихонова. Имеется в виду «Концепции совершенствования хозяйственного механизма предприятия», в основе которой лежала идея о *переходе к многоукладной рыночной экономике*. По утверждению Н.И. Рыжкова, который принимал участие в ее разработке, планировалось оставить в руках государства 50 % собственности, 30 % должна была составлять корпоративная собственность, 20 % – индивидуальная.

Исходя из этого, нетрудно понять, какие перемены планировала созданная М.С. Горбач рабочей группой.

По словам М.Н. Полторанина, в области экономики ставилась задача отказа от валовых показателей, перераспределения средств между группой А и Б в пользу последней и расширение прав предприятий.

Комментируя свое выступление на Апрельском пленуме 1985 г., М.С. Горбачев пишет: «Нужно было менять саму систему руководства экономикой, *оставить на долю верхних эшелонов социально-экономическую и научно-техническую стратегию, а все остальное передать на усмотрение производственных коллективов*».

По сути дела это означало отказ от прежней системы планирования, переход к рыночным отношениям. И действительно, по свидетельству М.Н. Полторанина, разработанная весной 1985 г. концепция перестройки намечала создание многоукладной рыночной экономики.

По существу речь шла о возвращении к НЭПу.

Идею «о введении модели нэпа» М.С. Горбачев обсуждал с учеными еще в 1983 г. По свидетельству А.И. Лукьянова, который возглавил после смерти К.У. Черненко Общий отдел ЦК КПСС, подобная идея рассматривалась в ближайшем окружении нового генсека и весной 1985 г.

В своей книге М.Н. Полторанин тоже пишет, что разработанная ими концепции перестройки имела в виду использование опыта НЭПа и планировала создание рядом с государственным частным сектором («дать людям право открывать частное дело»: «для начала – в сфере обслуживания, производстве еды и всего того, на чем мы спим и сидим и что на себя надеваем»).

Передавая настроения, царившие среди членов рабочей группы, М.Н. Полторанин пишет: «Пусть рядом с государственными элеваторами появятся частные зернохранилища, рядом с государственными мебельными, обувными, швейными фабриками и мясокомбинатами – начнут выпускать продукцию частные предприятия. Дальше – больше». Причем, «чтобы не всполошить влиятельных талмудистов от партии», тогда речь еще не шла о приватизации государственной собственности, а о сдаче ее в аренду: «арендуйте – обрабатывайте и перерабатывайте».

По утверждению А.И. Лукьянова, тогда же весной 1985 г., накануне Апрельского пленума ЦК КПСС, А.Н. Яковлев выступал с предложением о необходимости «фермеризации сельского хозяйства». О своих предложениях начать реформирование советской экономики с фермеризации, заявлял позднее и сам А.Н. Яковлев. Летом 1985 г. этот вопрос А.И. Лукьянов специально обсуждал с М.С. Горбачевым. В частности, рассматривалась возможность внедрение так называемого семейного подряда. В 1986 г. этот вопрос был вынесен даже на страницы печати.

Это значит, что цель, намеченная Ю.В. Андроповым, цель, пути к которой искала комиссия Н.А. Тихонова, была взята М.С. Горбачевым в качестве ориентира с первых же дней пребывания его у власти.

Между тем переход к многоукладной рыночной экономике означал изменения и классовой структуры советского общества, и системы управления, и идеологии.

В беседе со мной М.Н. Полторанин сообщил, что разработанная концепция перестройки предполагала реформирование КПСС и принципиальное изменение ее роли в советском обществе. С одной стороны имелась в виду демократизация партии (восстановление коллегиального руководства, ротация кадров), с другой стороны, освобождение ее от хозяйственных и иных государственных функций, что должно было означать отстранение ее от реальной политической власти и превращение в чисто идеологический инструмент.

Подобная идея родилась еще при И.В. Сталине и бродила в умах советской элиты не только в период хрущевской оттепели, но и в брежневские времена. Ее пытались реализовать Л.П. Берия, Н.С. Хрущев, Н.А. Косыгин, Ю.В. Андропов.

Концепция перестройки намечала не только отстранение КПСС от власти, но и реформирование государственного устройства. Прежде всего, речь шла о введении альтернативных выборов. На этой основе предполагалось создание нового органа власти – Съезда народных депутатов СССР и учреждение новой должности – избираемого съездом президента страны.

А.И. Лукьянов утверждает, что уже тогда в руководстве партии рассматривалась идея «внедрения основ парламентаризма». И уже тогда, по его словам, А.Н. Яковлев высказывал мысль о необходимости разделения КПСС на две партии.

Реформирование государственного устройства СССР предполагало также децентрализацию управления за счет «расширения экономической самостоятельности союзных республик». О степени этой децентрализации свидетельствует то, что концепция перестройки предусматривала учреждение должности представителя президента СССР, который наделялся правом вето, т. е. правом в исключительных случаях приостанавливать или отменять принимаемые республиками законы.

14 декабря 1997 г. на страницах «Minneapolis Star-Tribune» М.С. Горбачев заявил, что общий смысл перестройки сводился к следующему: а) «ликвидация монополии государственной собственности», б) «раскрепощение экономической инициативы и признание частной собственности», в) «отказ от монополии коммунистической партии» на власть и идеологию, г) «плюрализм мысли и партий», д) «реальные политические свободы», е) «создание основ парламентаризма».

Эти цели полностью соответствовали той концепции перестройки, которая была разработана весной 1985 г.

«В кругах Коммунистической партии стало принято отсчитывать перестройку... с апреля 1985 года... – пишет Д. Мэтлок. – В действительности принятая на этом пленуме программа была не той, со временем ставшей известной миру под названием перестройка... а куда более ограниченной программой. Ее точнее было бы именовать Андроповской платформой, поскольку по сути своей она являлась подходом, разработанным по его настоянию». Эти идеи, по утверждению американского дипломата, «и составили основу программы ограниченных реформ, явленную миру на Апрельском пленуме в 1985 году».

«Ряд сторонников Горбачева, – отмечает Д. Мэтлок, – настаивали на принятии более серьезных реформ с самого начала, но тот отказывался».

Утверждая, что «у Горбачева был план» реформ, Г. А. Арбатов отмечал, что Михаил Сергеевич «раскрывал» его «лишь постепенно». «С самого начала было ясно, что он не может говорить всего... Тактично, разумно было бы, чтобы перестройка разворачивалась постепенно».

В своей книге «Глупость или измена. Расследование гибели СССР» я выдвинул версию о том, что, начиная перестройку, М.С. Горбачев и его ближайшее окружение ставили перед собою цель не создания социализма с человеческим лицом, как это провозглашалось, а вхождение СССР в «общеевропейский дом».

О том, что эта версия не лишена оснований свидетельствует дневник ближайшего помощника М.С. Горбачева Анатолия Сергеевича Черняева, который 21 января 1990 г. записал: «...Все очевиднее, что по началу общеевропейский дом будет без нас».

Это означает, что генсек и его окружение действительно ставили перед собою задачу вхождения советской страны в «общеевропейский дом». Об этом свидетельствует и подписание СССР в январе 1989 г. Венской конвенции, признававшей приоритет международного законодательства над национальным, и публикация в январе 1988 г. на страницах «Правды» статьи «Мировое сообщество управляемо», означавшей готовность советского руководства присягнуть мировому правительству, и разработка концепции «общеевропейского дома», обсуждавшейся на заседании Политбюро ЦК КПСС в марте 1987 г.

Уже после того, как моя книга вышла в свет, мне удалось найти запись беседы Егора Яковлева с А.Н. Яковлевым и М.С. Горбачевым. В ходе этой беседы А.Н. Яковлев заявил:

«Горбачев уже был генсеком, я секретарем ЦК, и мы говорили о нелепой внешней политике СССР. Я ему доказывал, что все эти ракеты, бесконечная гонка вооружений, совсем не то, что нам надо. *Стране пора входить в европейский дом.* Мне кажется, тогда был первый максимально откровенный разговор о самой системе».

Поскольку присутствовавший при сем Михаил Сергеевич не возражал, его молчание можно рассматривать как подтверждение слов Александра Николаевича. В связи с этим возникает вопрос: когда же имел место этот «максимально откровенный разговор».

Секретарем ЦК КПСС А.Н. Яковлев стал 6 марта 1986 г., 26 марта 1987 г. концепция общеевропейского дома была рассмотрена на заседании Политбюро ЦК КПСС. Следовательно, упоминаемый «максимально откровенный разговор» имел мест не ранее марта 1986 – не позднее марта 1987 г.

А поскольку в октябре 1986 г. в Рейкьявике уже рассматривался и вопрос о ликвидации ядерного оружия, и вопрос о превращении Варшавского Договора из военной в политическую организацию, вероятнее всего «максимально откровенный разговор» состоялся не ранее марта – не позднее октября 1986 г., т. е. накануне Рейкьявика.

Между тем доказывать в это время М.С. Горбачеву необходимость ликвидации ядерного оружия и вхождения СССР в общеевропейский дом не имело смысла, так как предложение о ликвидации ядерного оружия было сделано им публично 15 января 1986 г., а лозунг «Европа – наш общий дом» провозглашен осенью 1985 г. Это дает основания думать, что после XXVII съезда А.Н. Яковлев обсуждал с М.С. Горбачевым не вопрос о необходимости вхождения СССР в общеевропейский дом, а вопрос о путях достижения этой цели.

Между тем необходимо понять: достижение этой цели было невозможно при сохранении советского блока и Советского Союза в прежнем его виде. Поэтому вхождение нашей страны в общеевропейский дом предполагало ликвидацию «мировой системы социализма» (вместе с Советом экономической взаимопомощи и Организацией Варшавского договора), расчленение СССР (по-другому – превращение его в конфедерацию), приватизацию государственной собственности, отказ от монополии партии на власть и идеологию, переход к альтернативным выборам и многопартийности.

Именно в этом направлении и намечала реформирование страны разработанная весной 1985 г. концепция перестройки.

Таким образом, утверждения, что у М.С. Горбачева и его ближайшего окружения не существовало никакой программы и перемены проводились то ли вслепую, то ли на ощупь, это сознательное или же бессознательное искажение истины.

Единственно в чем можно согласиться со сторонниками названной точки зрения и что не может не вызывать удивления, концепция перестройки не утверждалась ни партийным съездом, ни пленумом ЦК КПСС, ни Политбюро ЦК КПСС. Более того ни один из этих партийных органов не был даже поставлен в известность о разработке упомянутой концепции.

Почему же М.С. Горбачев и его ближайшее окружение скрывали и до сих пор скрывают этот факт?

Потому что одно дело, если отказ партии от власти, децентрализация управления государством, переход к рыночной экономике предпринимались под влиянием обостряющегося экономического кризиса, роста оппозиционного движения и национального сепаратизма, и совершенно другое дело, если все это было намечено до начала экономического и политического кризиса в стране и представляло собою лишь подготовку к уничтожению «мировой системы социализма» и расчленению СССР.

Для чего же нужна была «концепция перестройки», если она не утверждалась на партийном съезде, не рассматривалась на пленуме ЦК КПСС, осталась неизвестна даже членам Политбюро?

Получается, что документ готовился для каких-то других инстанций. Предвижу обвинения в конспирологии. Но не будем торопиться с выводами. Посмотрим на факты.

А факты свидетельствуют, что уже 18 апреля 1985 г. М.С. Горбачев познакомил со своими «планами перестройки советской экономики» прибывшего в Москву директора Вестминстерского банка Фридриха Вильгельма Кристианса. Вестминстерский банк, хотя и считается английским, однако давно принадлежит к числу международных банков, входящих в финансовую империю Ротшильдов. Многие годы Ф.В. Кристианс входил также в руководство Дойче банка.

Таким образом, задолго до того, как вопрос об экономической реформе был вынесен на заседание Политбюро ЦК КПСС, еще до того, как Апрельский пленум ЦК КПСС взял общий курс на перестройку, М.С. Горбачев уже обсуждал эту проблему с одним из представителей международной финансовой олигархии.

5—6 октября 1985 г. М.С. Горбачев совершил свой первый заграничный вояж в качестве генсека и посетил Париж. Почему именно Париж, а не Варшаву, не Берлин и не Прагу, Париж, а не Бонн, не Лондон и не Токио? Вопрос, который еще ждет ответа.

С чем же прибыл в столицу Франции новый советский генсек? Оказывается с планами реформирования с своей страны.

«После первой встречи и продолжительной беседы один на один с Горбачевым в Елисейском дворце в октябре 85-го, — пишет бывший пресс-секретарь генсека А.С. Грачев, — президент Франции Франсуа Миттеран сказал своим ближайшим советникам: *«У этого человека захватывающие планы, но отдает ли он себе отчет в тех непредсказуемых последствиях, которые может вызвать попытка их осуществления?»*».

«На Миттерана, — пишет А.С. Грачев, — явно произвела впечатление решимость нового лидера подвергнуть критическому *пересмотру все основные механизмы советской системы*». «Главное, чем он поразил и «воспламенил» социалиста Миттерана, пожалуй, еще больше, чем суперконсервативную Тэтчер, был *развернутый план внутреннего раскрепощения советского общества*».

Выслушав эти откровения, Ф. Миттеран заявил: «Если вам удастся осуществить то, что вы задумали, это будет иметь всемирные последствия».

Получается, что «концепция перестройки», известная только очень узкому кругу лиц, близких к новому генсеку, утаенная от руководящих органов партии, до сих пор скрываемая от нас, готовилась для рассмотрения за пределами страны.

* * *

В связи с этим обращает на себя внимание сообщаемый М.Н. Полтораниным факт, что рабочую группу по подготовке «концепции перестройки» возглавлял Александр Николаевич Яковлев.

Прежде всего, следует отметить, что весной 1985 г. А.Н. Яковлев не входил в аппарат ЦК КПСС и занимал скромную должность директора Института мировой экономики и международных отношений. Этот институт находился в ведении Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, который тогда возглавлял В.А. Медведев. Между тем, в нарушение партийной иерархии возглавить рабочую группу по подготовке «концепции перестройки» было доверено первому, а не второму, причем Вадим Андреевич был поставлен в подчинение Александру Николаевичу.

Что же представлял собою А.Н. Яковлев и почему именно ему было оказано новым генсеком такое доверие?

Родился Александр Николаевич в 1923 г. в крестьянской семье под Ярославлем. Участвовал в Великой Отечественной войне. В 1943 г. был ранен и демобилизован, после чего поступил в Ярославский пединститут, в 1945 г. был направлен в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1946 г. работал инструктором сектора печати Ярославского обкома партии, с 1948 г. заведовал отделом областной газеты «Северный рабочий», с 1950 г. занимал пост заместителя заведующего Отдела агитации и пропаганды обкома, с 1951 г. там же возглавлял Отдел школ и высших учебных заведений, в марте 1953 г. стал инструктором Отдела школ ЦК КПСС.

Ему было 30 лет. Перед ним открывались блестящие карьерные перспективы. И вдруг в 1956 г. мы видим его слушателем АОН при ЦК КПСС. А.Н. Яковлев объясняет это тем, что после XX съезда КПСС он поставил под сомнение и марксизм-ленинизм, и всю практику большевизма. «Давным-давно, – писал он в 1999 г., – более 40 лет назад, я понял, что марксизм-ленинизм не наука, а публицистика», причем не какая-нибудь, а «людоедская и самоедская». Именно поэтому, если верить ему, он ушел из аппарата ЦК КПСС в науку.

Однако секрет этого поворота в жизни А.Н. Яковлева гораздо проще.

31 мая 1956 г. Отдел школ ЦК КПСС, в котором он работал, был упразднен, а большинство его сотрудников сокращено. В их число, по всей видимости, попал и Александр Яковлевич. Дело в том, что, придя к власти, Н.С. Хрущев взял курс на замену прежних номенклатурных работников – практиков работниками с высшим образованием. Между тем, все высшее образование Александра Николаевича ограничивалось двумя курсами заочного обучения в Ярославском пединституте. Учитывая это, его, видимо, рекомендовали в аспирантуре Академии общественных наук.

В 1958 г. он был направлен на стажировку в Колумбийский университет, которая продолжалась до августа 1959 г.

Отбыв положенный срок в аспирантуре, Александр Николаевич защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Критика американской буржуазной литературы по вопросам внешней политики США в 1953–1957 гг.», после чего, несмотря на якобы наступившее после XX съезда «прозрение», снова вернулся в аппарат ЦК КПСС.

В 1960 г. А.Н. Яковлев стал инструктором Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС, затем возглавил здесь сектор телевидения и радиовещания, с 1965 по 1973 г. он был первым заместителем заведующего этим отделом и некоторое время фактически его руководителем. Кроме того, с 1966 по 1973 г. входил в состав редакционной коллегии главного теоретического органа ЦК КПСС журнала «Коммунист».

В 1967 г. Александр Николаевич стал доктором наук, в 1969 г. – профессором. Как явствует из его личного дела в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), он «защитил докторскую диссертацию на тему «Политическая наука США и основные внешнеполитические доктрины американского империализма (критический анализ послевоенной политической литературы по проблемам войны, мира и международных отношений 1945–1966 гг.)».

Однако все попытки найти в библиотеках автореферат этой диссертации закончились неудачей. Я уже решил, что диссертация имела закрытый характер и ее автореферат нужно

искать среди книг для служебного пользования и вдруг узнаю: не было никакой диссертации, и ее защиты тоже не было. Степень доктора исторических наук Александру Николаевичу присудили по совокупности научных работ.

Что же это были за труды? И какое отношение они имели к науке?

Судите сами: 1) «Идейная нищета апологетов «холодной войны». Американская буржуазная литература по вопросам внешней политики правительства США в 1953–1960 гг. (М., 1961. 237 с.). 2) Сторонники марксизма в новом Свете (М., 1962. 32 с.), 3) Призыв убивать. Фальсификаторы проблем войны и мира (М... 1965. 103 с.) 4) Идеология американской «империи». Проблемы войны, мира и международных отношений в послевоенной американской буржуазной политической литературе (М., 1967. 467 с.)

Заслуживают внимания и научные труды профессора А.Н. Яковлева, изданные после 1967 г.: 1) «Пакс Американа. Имперская идеология: истоки, доктрины» (М., 1969. 367 с.). 2) «США: от великого к больному» (М, 1969. 447 с. – редактор). 3) «По ступеням войны и обмана. О чем свидетельствуют секретные документы Пентагона» (М., 1971. 127 с. – в соавторстве). 4) «Опыт и методика комсомольской политической учебы». Сб. ст. (М., 1972. 158 с. – составитель). 5) «Основы политических знаний. Учебное пособие для начальных политических школ системы партийной учебы» (1-е изд. М., 1972. 352 с. 2 изд. М., 1973. 368 с. 1974. 368 с.).

Занимая на протяжении восьми лет пост первого заместителя заведующего Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС, А.Н. Яковлев по сути дела был шеф-поваром на кухне советской идеологии. В 1968-м, после ввода советских войск в Чехословакию, он «по поручению руководства выезжал в Прагу» («выполнял там ответственную работу».

Сначала Александр Николаевич принадлежал к группе А.Н. Шелепина, затем перешел к его противникам, но, несмотря на это, в 1973 г. был отправлен в почетную ссылку – послом в Канаду.

Когда М.С. Горбачев познакомился с А.Н. Яковлевым, когда и как между ними установились доверительные отношения? И что лежало в их основе? Мы не знаем. Можно лишь отметить, что Михаил Сергеевич – человек не сентиментальный. Вот его собственное признание: «Когда-то Маргарет Тэтчер сказала: «Я давно знала, что вы человек без нервов!» Это, наверное, то качество, которое я унаследовал от отца».

По словам А.Н. Яковлева впервые он услышал фамилию М.С. Горбачева еще тогда, когда тот был секретарем крайкома комсомола. Их заочное знакомство продолжилось, когда в 1967 г. одним из заместителей А.Н. Яковлева стал ставропольский приятель М.С. Горбачева М.В. Грамов. Считается, что личное знакомство Александра Николаевича и Михаила Сергеевича произошло только весной 1983 г., когда Михаил Сергеевич готовился к поездке в Канаду. Познакомил их В.И. Болдин.

Между тем в упоминавшейся беседе А.Н. Яковлева и М.С. Горбачева с Егором Яковлевым Михаил Сергеевич бросил фразу о том, что он познакомился с Александром Николаевичем еще до 1983 г. По некоторым данным, это произошло в 1978 г., когда М.С. Горбачев впервые посетил Канаду в качестве первого секретаря Ставропольского крайкома партии.

Следующий визит в Канаду состоялся 16 по 24 мая 1983 г. Туда М.С. Горбачев отправился на следующий день после того, как здесь закончилась очередная встреча членов Бильдербергского клуба, проходившая с 13 по 15 мая 1983 г. в г. Монтебелло (провинция Квебек).

Своему пребыванию в Канаде М.С. Горбачев посвятил в мемуарах две странички, но ничего существенного в них нет за исключением фразы: «...Канадские газеты писали потом, что именно они «открыли Горбачева».

По свидетельству А.Н. Яковлева, в Канаде между ним и М.С. Горбачевым состоялся откровенный разговор о положении дел в стране, в ходе которого обнаружилось, что они не только одинаково сознают необходимость перемен в стране, но и близки в понимании их характера и масштабов.

«Особенно памятен наш разговор с Михаилом Сергеевичем на ферме министра сельского хозяйства Велана. – вспоминал А.Н. Яковлев, – Мы прибыли туда вовремя, а министр опаздывал из-за непогоды. Мы с Горбачевым пошли в поле. Кругом никого, только охрана на опушке леса. Сначала обычная беседа, но вдруг нас прорвало, начался разговор без оглядок. Почему? Трудно сказать, Он говорил о наболевшем в Союзе, употребляя такие слова как отсталость страны, необходимость кардинальных перемен, догматизм и т. д. Я тоже как с цепи сорвался, Откровенно рассказал, насколько примитивной и стыдной выглядит политика СССР отсюда, с другой стороны планеты». В словах Михаила Сергеевича А.Н. Яковлев услышал «сигнал о неизбежности грядущих перемен», сигнал, который его собеседник подавал «из-за спины первого лица (а им был в то время Юрий Андропов».

«...Именно в разговорах со мной еще в Канаде, когда я был послом, – уверял позднее Александр Николаевич, – впервые родилась идея перестройки».

М.С. Горбачев, как и все другие лица, успешно делавшие карьеру, хорошо знал, где и что можно сказать, где слукавить, а где лучше всего промолчать. Поэтому его откровенность с А.Н. Яковлевым требует объяснения.

Можно было бы допустить, что, используя Михаила Сергеевича, Ю.В. Андропов пытался таким образом прощупать А.Н. Яковлева. Однако, во-первых, для этого не требовалось посылать за океан члена Политбюро, а во-вторых, к тому времени Юрий Владимирович обязан был иметь исчерпывающую информации о советском после в Канаде.

В связи с этим заслуживает проверки версия, что, демонстрируя откровенность, М.С. Горбачев пытался таким образом довести через него свои реформаторские мысли до кого-то еще. Но до кого? Вероятнее всего, до кого-то, с кем Александр Николаевич контактировал за границей.

Широко распространено мнение, согласно которому, вернувшись из Канады, М.С. Горбачев добился возвращения А.Н. Яковлева в Москву и назначения его директором ИМЭМО.

Однако эта версия находится в противоречии с фактами. Из Канады М.С. Горбачев вернулся не ранее 24 мая. Между тем, не позднее 31 мая А.Н. Яковлев уже был избран или, точнее, утвержден Ученым советом ИМЭМО в качестве его директора. При всем влиянии М.С. Горбачева сделать это за неделю он не мог даже технически. Чтобы пройти процедуру выдвижения, согласования, избрания, требовалось не менее месяца.

Это значит, что вопрос о возвращении А.Н. Яковлева в Москву был решен до поездки М.С. Горбачева в Канаду. И действительно, 14 мая 1983 г. А.С. Черняев записал в дневнике свой разговор с Александром Николаевичем, из которого явствует, что к этому времени уже предпринимались усилия по его «вытягиванию» из Канады в Москву, в частности его кандидатура представлялась на пост директора АПН, но не получила поддержки Ю.В. Андропова.

Существует мнение, согласно которому, Ю.В. Андропов относился к А.Н. Яковлеву самым негативным образом и называл его «проходимцем».

По свидетельству бывшего работника аппарата ЦК КПСС М. И. Кодина (1943–2009), когда в 1983 г. возглавлявший Отделом ЦК КПСС по работе с иностранными кадрами и выездам за границу Степан Васильевич Червоненко представил Ю.В. Андропову документы на награждение А.Н. Яковлева в связи с его 60-летием орденом Ленина, «Юрий Владимирович поднял тяжелый взгляд на Червоненко и глухо проговорил: «Ему не орден Ленина давать надо, а в тюрьму сажать... – И пояснил: – Как председателю КГБ мне не раз поступали оперативные данные, что работает этот деятель *не только на наши спецслужбы*, ведет, по меньшей мере, двойную игру». – «В таком случае, следует немедленно отзывать посла и освобождать от должности», – резонно заметил Червоненко. «К сожалению, соответствующими документами Комитет не располагает», – признался Андропов. Повисла напряженная пауза. «Что там у нас есть пониже для награждения?» – генсек невольно вздохнул. «Орден Знак Почета, но это

уже нижний предел», – подсказал заведующий отделом заграничных кадров. «Может, все-таки орден Дружбы Народов?»

Из этого вытекает: или Ю.В. Андропов зачем-то дурачил подчиненных, или же был не волен в своих действиях.

Вернувшись в Москву и приступив 16 августа 1983 г. к исполнению обязанностей директора ИМЭМО, А.Н. Яковлев, по утверждению В.А. Крюкова, «довольно быстро вошел в неофициальную команду Горбачева». Этот факт признавал и сам Александр Николаевич. «... За спиной института, – писал он, имея в виду ИМЭМО – стоял Михаил Горбачев».

Однако за спиной ИМЭМО стоял не только ЦК КПСС, но и КГБ СССР. Поэтому некоторые считали его филиалом КГБ, точнее филиалом Первого главного управления или внешней разведки, возглавляемой В.А. Крюковым.

Как явствует из воспоминаний А.Н. Яковлева, после возвращения в Москву руководитель ПГУ и первый заместитель председателя КГБ СССР В.А. Крюков «возобновил» с ним отношения. Причем теперь они вышли за рамки официальных и приобрели личный характер. В.А. Крюков и А.Н. Яковлев не только стали бывать вместе в сауне, но и вести довольно откровенные разговоры.

«Например, – вспоминал Александр Николаевич, – когда я сказал, что хорошо бы на примере одной области, скажем Ярославской, где крестьян надо искать днем с огнем, проэкспериментировать возможности фермерства, он (т. е. Владимир Александрович. – А.О.) отвечал, что это надо делать по всей стране и нечего осторожничать».

Если верить А.Н. Яковлеву, в своих банных беседах с В.А. Крюковым он затрагивал не только вопросы реформирования экономики. «Когда я говорил о необходимости постепенного введения альтернативных выборов, начиная с партии, он высказывался за повсеместное введение таких выборов».

Вспоминая о своей деятельности на посту директора ИМЭМО, А.Н. Яковлев писал: «... за спиной института стоял Михаил Сергеевич Горбачев и в то время – второе лицо в партии. Он часто звонил мне, иногда советовался, давал разные поручения». И далее: «Особенно ладно шла работа с Горбачевым, Он постоянно звонил, иногда просто так – поговорить, чаще – по делу, с поручениями. Писали ему разные записки, включая познавательно-просветительские».

К сожалению, конкретное представление об этом сотрудничестве М.С. Горбачева и А.Н. Яковлева пока отсутствует. Можно назвать только несколько эпизодов. Так, в 1984 г. Александр Николаевич принял участие в подготовке доклада Михаила Сергеевича на совещании по идеологической работе, в декабре того же года был включен в состав возглавляемой М.С. Горбачевым делегации Верховного Совета СССР в Великобританию, в ночь с 10 на 11 марта 1985 г. М.С. Горбачев привлек его для подготовки своего первого выступления на Пленуме ЦК КПСС, а затем в подготовке его выступления «на траурном митинге по случаю похорон Черненко».

К этому следует добавить, что А.Н. Яковлев был причастен к тем переговорам о взаимных действиях, которые велись накануне смерти К.У. Черненко между М.С. Горбачевым и А.А. Громыко. В переговорах участвовали сын А.А. Громыко Анатолий, Е.М. Примаков, А.Н. Яковлев и, по некоторым данным, В.А. Крюков.

Еще более тесным стало сотрудничество М.С. Горбачева и А.Н. Яковлева после избрания Михаила Сергеевича генсеком.

В июле 1985 г. А.Н. Яковлев возглавил Отдел пропаганды ЦК КПСС, в марте 1986 г. был избран секретарем ЦК КПСС, в январе 1987 г. стал кандидатом в члены Политбюро, в июне того же года – членом Политбюро, осенью 1988 г. с поста руководителя Отдела пропаганды был переведен на должность руководителя Международной комиссии ЦК КПСС.

Уже 12 марта 1985 г. А.Н. Яковлев по предложению М.С. Горбачева представил ему записку о необходимости пересмотра внешней политики СССР и о подготовке встречи на высшем уровне с американским президентом Р. Рейганом.

Выступая в 1992 г. в Конституционном суде, А.Н. Яковлев заявил, что, он «активно участвовал в международных делах» и «был во всех абсолютно поездках Генерального секретаря и Президента, на встречах, скажем, с Рейганом, с другими лидерами европейского континента, на высшем уровне».

Действительно А.Н. Яковлев сопровождал М.С. Горбачева во всех его наиболее важных зарубежных поездках: в Женеву (1985 г.), в Рейкьявик (1986 г.), в Вашингтон (1987 г.), в Нью-Йорк (1988 г.), на Мальту (1989 г.), в Японию (1991 г.).

Ему в обход второго секретаря ЦК КПСС Е.К. Лигачева была доверена подготовка доклада генсека к XXVII съезду КПСС в конце 1985 – начале 1986 г. Он в 1986 г. руководил работой по подготовке экономической реформы, он принимал участие в подготовке Январского пленума ЦК КПСС 1987 г. Ему было поручено в начале 1987 г. вести переговоры с прибывшими в Москву представителями Совета по международным отношениям. Он в 1988 г. возглавил Комиссию по реабилитации жертв сталинских репрессий. Под его руководством в том же году были разработаны основы новой советской национальной политики и подготовлен доклад генсека на XIX партийной конференции. Возглавив в 1988 г. Международную комиссию ЦК КПСС, он в январе 1989 г. принимал участие в переговорах с Трехсторонней комиссией и лично с Киссинджером, был причастен к подготовке и осуществлению так называемых «бархатных революций» 1989 г. в странах Центральной Европы. В том же году ему было доверено возглавить Комиссию Верховного Совета СССР по оценке секретного протокола 1939 г., решения которой сыграли важную роль в разрушении СССР. Он был одним из инициаторов избрания М.С. Горбачева президентом СССР и представлял его съезду народных депутатов в марте 1990 г. Его в том же году М.С. Горбачев собирался провести на должность вице-президента СССР. Он ездил как личный представитель президента СССР к Г. Колю и Д. Бушу, а 24 декабря 1991 г. присутствовал при передаче дел М.С. Горбачева Б.Н. Ельцину.

Комментируя последний факт, один из авторов пишет: «Это могло означать только одно: он являлся гарантом неких секретных соглашений между лидерами. По сути, это означало, что Яковлев представляет некие третьи силы».

По свидетельству А.И. Лукьянова, в аппарате ЦК КПСС, если не считать помощников и секретарей генсека, был только один человек, который ежедневно контактировал с ним – это заведующий Общим отделом. Между тем, выступая в Конституционном суде, А.Н. Яковлев заявил: «Редкий день, чтобы я не разговаривал с Горбачевым, у нас были очень частые контакты, иногда не по одному разу в день».

Об этом А.Н. Яковлев писал и в своих мемуарах: «Мы встречались очень часто. А разговаривали почти каждый день и достаточно откровенно – на уровне добротного взаимного доверия». И далее: «...У меня с Михаилом Сергеевичем были частые и очень откровенные разговоры на самые разные темы. В Москве, в Сочи и в Крыму во время отпусков, при поездках в разные страны. Иногда – многочасовые и в неформальной обстановке. О положении в стране, прошлом и будущем, планах и людях, об искусстве и литературе. Мало сказать, что беседы носили доверительный характер, они еще были душевными, товарищескими».

Несмотря на то, что Александр Николаевич в основном находился за кулисами политики, а Михаил Сергеевич не сходил с экранов и страниц печати, позднее «газеты писали, что он лишь озвучивает то, о чем говорит ему Яковлев».

Ходили даже слухи, будто бы не М.С. Горбачев, а А.Н. Яковлев был «отцом перестройки». Если верить документу, который был обнародован летом 1990 г., когда Александра Николаевича спросили об этом, он якобы ответил: «Ну, уж прямо так! Но я не отрекаюсь от этого, от того, что М.С. Горбачев озвучивает мои идеи».

Подобные представления были в свое время распространены не только в нашей стране, но и за рубежом, «Я знаю, – заявил в 1989 г. в беседе с А.Н. Яковлевым Збигнев Бжезинский, – что Вы являетесь главным стратегом в области осуществления перестройки и в области нового внешнеполитического курса СССР».

* * *

Однако с А.Н. Яковлевым были связаны и представления другого рода. «После провала путча, – вспоминал он позже, имея в виду августовские события 1991 г., – мне показали бумагу, где я фигурирую как глава какой-то вымышленной конспиративной организации демократов, и у меня там какая-то дурацкая кличка – «Папа»... Почему «Папа», бог его знает... И это донесение какого-то якобы серьезнейшего агента! Вот что сочиняли».

Если учесть, что упомянутый доклад имел место в январе-феврале 1990 г., когда в стране шла подготовка к республиканским выборам и становилось очевидно, что оппозиция, взявшая курс на ликвидацию СССР и всей советской системы, может одерживать победу, когда Межрегиональная депутатская группа вела так называемую «русскую игру», цель которой заключалась в развале СССР, когда Б.Н. Ельцин провозгласил лозунг разделения России на семь республик, а сторонники Д.А. Сахарова выступали за предоставление независимости всем этносам, населявшим советское государство, информация В.А. Крюкова приобретала вполне убедительный характер.

Итак, упоминаемый В.А. Крюковым доклад М.С. Горбачеву по поводу А.Н. Яковлева все-таки имел место. Как же отреагировал на эту информацию глава партии и государства?

Может быть, поставил перед главой КГБ задачу ликвидировать или же парализовать деятельность этой «сети»? Нет. Может быть, предложил продолжать работу по сбору материала? Нет. Может быть, поинтересовался, откуда такие сведения получены и можно ли им доверять? Нет. Может быть, не поверил сообщенной информации и потребовал более убедительных доказательств? Ничего подобного.

«...С моей стороны, – пишет М.С. Горбачев, – естественно, досье было не только отклонено – я не дал Крюкову права разрабатывать его дальше».

Получается, что глава государства запретил даже собирать сведения о тех силах в стране, которые, возможно, готовились к низвержению существующего строя. Как же так? Ведь подобную информацию докладывал не кто-нибудь, а председатель КГБ СССР?

Оказывается, если верить М.С. Горбачеву, в основе сообщения В.А. Крюкова лежала «идея жидомасонского заговора». Косвенно факт подобного доклада подтверждает дневник А.С. Черняева, из которого явствует, что в 1990 г. председатель КГБ СССР действительно ставил М.С. Горбачева в известность «о замыслах сионистов».

Эта проблема занимает особое место в книге М.Н. Полторанина, который утверждает, что вся перестройка была задумана и осуществлена под руководством еврейской организации «Бнай брит», которую он считает масонской.

Можно по-разному относиться к вопросу о масонстве и о роли в нем евреев (я лично считаю, что имеющие на этот счет публикации в своем подавляющем большинстве имеют сугубо публицистический, очень часто пещерный, а не исследовательский характер), но ведь председатель КГБ, наверное, докладывал генсеку не уличные и не газетные слухи, а информацию, которая поступала к нему, как от секретной агентуры внутри страны, так и по каналам внешней разведки. Как же можно было не только отмахнуться от этих сведений, но и запретить КГБ собирать информацию на этот счет далее?

В этой же связи следует обратить внимание и на слова В.А. Крюкова о масонстве, сказанные им в одном из интервью: «Было время, когда к масонским ложам относились, как к чему-то сказочному, а потом выяснилось, что это серьезное дело, которым надо бы зани-

маться... Комитет заинтересовался этой проблемой, но, чтобы ее размотать по-настоящему, нужно было, чтобы ею занялось и высшее политическое руководство. А там такого желания не было. Поэтому наша информация надлежащим образом не оценивалась, не изучалась...».

А поскольку масонство – это вполне реальный и признанный факт, не свидетельствует ли отсутствие желания высшего политического руководства СССР в разработке данной проблемы о том, что масонские нити вели в эти круги?

Что же могло дать В.А. Крючкову основания заподозрить одного из членов Политбюро ЦК КПСС в подобного рода связях?

Частично ответ на этот вопрос, по всей видимости, дают воспоминания бывшего советского социолога Ильи Григорьевича Земцова «Лица и маски», которые были опубликованы издательством «Наука» в 2008 г.

Илья Григорьевич Земцов – родился 1938 г. в Баку, в 1967 г. в Институте философии АН СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблема нравственного идеала личности в марксистской этике». В 1971 г. в Институте конкретных социальных исследований защитил закрытую докторскую диссертацию на тему «Социальная мотивация поведения личности. Критический анализ буржуазных теорий», которая под редакцией Г.В. Осипова сразу же была издана для служебного пользования. Правда, с защитой возникли проблемы, поэтому в том же 1971 г. состоялась новая защита в Душанбе.

Через два года И.Г. Земцов эмигрировал в Израиль.

За границей получил известность как автор таких книг, как биографии Ю. Андропова, К. Черненко и М. Горбачева (1985–1987 гг.); «Борьба за власть в Кремле» (в 3 томах, 1988 г.); «Грани перестройки» (1989 г.); «История советской социологии» (1999 г.); «Крах эпохи» (в 2-х томах, 2000 г.); «Лица и маски» (2008 г.); «Советский язык как энциклопедия советской жизни» (2010 г.).

По утверждению И.Г. Земцова, победив на выборах 1977 г., новый премьер-министр Израиля Менахем Бегин (1977–1983) предложил ему установить с Москвой неофициальный или тайный канал. В связи с этим И.Г. Земцов отправился в Париж и там, если верить ему, совершенно случайно встретил находившегося в командировке профессора Владимира Алексеевича Карпушина, с которым был знаком по Москве.

Владимир Алексеевич Карпушин, (1920–1990) закончил философский факультет МГУ, защитил сначала кандидатскую («Формирование философских взглядов Карла Маркса» (1949), потом докторскую («Индивидуализм экзистенциалистской теории человека» (1967) диссертации, преподавал в ряде столичных вузов. С 1970 г. работал в Высшей дипломатической школе МИД СССР, с 1974 г. – заведовал кафедрой.

По словам И.Г. Земцова, зная о связях В.А. Карпушина с КГБ, он посвятил своего знакомого в замысел установления тайного канала связи между Москвой и Тель-Авивом и тот изъявил готовность передать это предложение Ю.В. Андропову. Ю.В. Андропов поставил в известность о сделанном предложении Л.И. Брежнева и получил его добро на установление тайного канала связи между ним и М. Бегиним.

Тогда же было решено, что канал связи пройдет через Канаду и к нему будет подключен советский посол в Оттаве А.Н. Яковлев. В книге «Кто поставил Горбачева» я ошибочно датировал эти действия 1981 г. Более внимательное знакомство с книгой И.Г. Земцова дает основание думать, что он встречался с А.Н. Яковлевым уже зимой 1977/78 г. Затем А.Н. Яковлев поставил в известность об этом своего непосредственного начальника – министра иностранных дел А.А. Громыко, и после этого канал связи заработал.

Тайный канал связи между Москвой и Тель-Авивом действовал вплоть до смерти Л.И. Брежнева, после чего, как пишет И.Г. Земцов, «работа Канала затухает», но «ненадолго». Из его воспоминаний явствует, что в 1983 г. перед отъездом А.Н. Яковлева в Москву он снова встречался с ним в Канаде.

Есть основания думать, что этот канал продолжал функционировать и после смерти Ю.В. Андропова. Основанием для этого служит сообщаемый И.Г. Земцовым факт, что в 1984 г. через А.Н. Яковлева он вступил в контакт с М.С. Горбачевым и договорился о встрече с ним. Встреча должна была состояться во время пребывания делегации Верховного Совета СССР в Великобритании. По всей видимости, чтобы обеспечить максимальную секретность, М.С. Горбачев согласился встретиться с И.Г. Земцовым после того, как советская делегация покинет Лондон и отправится в Шотландию. Однако именно в это время пришло сообщение о том, что умер министр обороны Д.Ф. Устинов, и М.С. Горбачев, прервав свой визит, вынужден был вернуться в Москву.

Несмотря на то, что встреча не состоялась, этот факт имеет огромное значение. Одно из двух: или с ведома К.У. Черненко М.С. Горбачев должен был подключиться к тайному каналу связи между Москвой и Тель-Авивом, или же М.С. Горбачев сам собирался установить неофициальный контакт с правительством Израиля.

Есть основания думать, что тайный канал связи между Москвой и Тель-Авивом продолжал действовать и после того, как М.С. Горбачев был избран генеральным секретарем ЦК КПСС. Из воспоминаний И.Г. Земцова явствует, что в Рейкьявике (октябрь 1986 г.) М.С. Горбачев собирался предложить «американскому президенту сделку – разрешить эмиграцию в обмен на отказ от СОИ», причем в момент самой встречи И.Г. Земцов находился в Рейкьявике.

Насколько известно, Политбюро ЦК КПСС готовилось к обсуждению в Рейкьявике только вопроса о сокращении или же ликвидации ядерных вооружений. Между тем М.С. Горбачев вышел за рамки предоставленных им полномочий. Получается, что представитель израильского правительства знал о намерениях советского генсека больше, чем советское руководство. Подобное могло быть, если у И.Г. Земцова был источник информации в ближайшем окружении генсека или же если И.Г. Земцов через посредника принимал участие в предварительном обсуждении поведения М.С. Горбачева в Рейкьявике.

После прихода М.С. Горбачева к власти И.Г. Земцов неоднократно посещал Москву, неоднократно посещали ее и представители еврейских общественных организаций. Так, в марте 1987 г. советскую столицу посетил руководитель Международного еврейского конгресса Эдгар Бронфман. В 1988 г. сотрудник Международного отдела ЦК КПСС Николай Владимирович Шишлин писал о нем: «Входя, как минимум в первую десятку, если не в пятерку американских миллиардеров, Бронфман» обладает большим влиянием как в Израиле, так и в США. Вслед за тем до гибели СССР он побывал в Москве еще, как минимум, четыре раза: в июне и октябре 1988 г., в феврале 1989 г., в январе 1991 г. Среди лиц, с которыми он встречался здесь были М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, Э.А. Шеварднадзе и А.Н. Яковлев.

Не исключено, что в годы перестройки А.Н. Яковлев имел и другие подобные же контакты, причем не только с Э.Бронфманом.

Как вспоминал И. Земцов: *«Ответственным за развитие наших [советско-израильских] связей многие годы был и Александр Яковлев, у которого мы нашли полное понимание».*

Вероятнее всего, первоначально тайный канал использовался только для обсуждения советско-израильских отношений.

Поэтому во время встреч Ю.В. Андропов и А. Н. Яковлев обсуждали не только кадровые вопросы советской разведки в Канаде, но и советско-израильские отношения. Александр Николаевич сам же, правда, лишь вскользь упоминает, как во время одной из таких встреч Юрий Владимирович сообщил ему об аресте автора книги «Осторожно, сионизм».

Можно с полной уверенностью утверждать, что в данном случае А.Н. Яковлев спутал две совершенно разные книги.

Во-первых, книга Юрия Иванова «Осторожно: сионизм» увидела свет в 1969 г., а Александр Николаевич стал послом в Канаде в 1973 г. Во вторых, Ю. Иванов был сотрудником Международного отдела ЦК КПСС и его книга появилась не в Самиздате, а в Политиздате,

т. е. прошла цензуру. Причем она неоднократно переиздавалась и не только на русском, но и на других языках (как в СССР, так и за рубежом).

Поэтому можно почти с полной уверенностью утверждать, что в разговоре Александра Николаевича с Юрием Владимировичем речь шла не о книге «Осторожно, сионизм», а о книге «Логика кошмара», в которой утверждалось, что революция 1917 г. была сделана жидо-масонами и приводился так называемый «турецкий список», в котором фигурировали некоторые советские политические деятели послевоенного периода, зачисленные в масоны. Автор этой книги тоже имел фамилию Иванов, но звали его не Юрий, а Анатолий. Он действительно был арестован и осужден. Это позволяет датировать данную встречу А.Н. Яковлева и Ю.В. Андропова не ранее августа 1981 г. (арест автора названной книги) – не позднее марта 1982 г. (суд над ним).

Спрашивается, какое же отношение имела эта книга к кадрам советской разведки в Канаде? Никакого. Почему же шеф КГБ счел необходимым познакомить советского посла с фактом ареста автора какой-то самоиздатовской рукописи? По все видимости, потому, что в ходе беседы А.Н. Яковлева с Ю.В. Андроповым затрагивались те проблемы, которым была посвящена книга А.М. Иванова: сионизм, антисемитизм, масонство. И связано это было с действием тайного канала связи Москва – Тель-Авив, к которому были причастны и Александр Николаевич и Юрий Владимирович.

В связи с этим возникает вопрос о возможности использования данного канала связи не только для неофициального обсуждения вопросов советско-израильских отношений, но и некоторых других проблем.

Несмотря на то, что тайный канал был создан для поддержания советско-израильских отношений, причастные к его функционированию лица обсуждали не только вопросы о взаимоотношении двух государств. Как явствует из воспоминаний И.Г. Земцова, когда летом 1983 г. он в очередной раз посетил Оттаву и здесь имел одну из своих тайных встреч с советским послом, состоявшуюся «в небольшой гостинице на окраине города», А.Н. Яковлев заявил: «Не пришло ли время признать, что марксизм с самого начала оказался ошибочным... Коммунисты пытались создать рай на земле... И выяснилось – его построить невозможно». Исходя из этого, он считал необходимым реформирование советской системы.

Причем, ознакомив И.Г. Земцова со своим видением будущих реформ в Советском Союзе, А.Н. Яковлев заявил, что «у них» с М.С. Горбачевым на этот счет «было сходное видение мира».

Если подобные откровения действительно имели место, а у нас нет никаких оснований ставить свидетельство И.Г. Земцова под сомнение, тогда получается, что летом 1983 г. между покидавшим Канаду советским послом и представителем израильского правительства существовали не официальные, а доверительные отношения.

С этой точки зрения заслуживают рассмотрения и переговоры И.Г. Земцова с А.Н. Яковлевым в 1984 г. о встрече с М.С. Горбачевым. Причем показательно, что накануне этой состоявшейся встречи названные посредники обсуждали положение дел в руководстве КПСС. «Горбачев, – сообщил Александр Николаевич своему собеседнику, – идет во власть», «все решится в ближайшее месяцы». Как будто бы он уже знал, что К. У. Черненко осталось жить два месяца и что Михаил Сергеевич будет его преемником.

Стоит вспомнить и о подготовке к Рейкьявику, когда представитель израильского правительства знал больше о будущей линии поведения М.М. Горбачева, чем советское руководство.

Это дает основание предполагать, что после смерти Л.И. Брежнева тайный канал между Москвой и Тель-Авивом стал выходить за рамки чисто советско-израильских отношений. Поскольку М.С. Горбачев обсуждал свои будущие реформы с В. Кристиансом и Ф. Миттераном, он мог обсуждать их и с представителем израильского правительства.

В таком случае его, разумеется, могло интересовать не столько мнение само правительства Израиля, сколько мнение стоящей за ним еврейской финансовой олигархии.

А. Островский

От автора

Горькая правда похожа на оголенные провода, по которым бежит ток. Дотронешься – тряхнет.

Чтобы народ к такой правде не прикасался, власть закрытого общества обматывает ее, как изолянтной, враньем и цензурными воспрещениями. Иначе током будет бить по сознанию нации, и невозможно его усыпить для последующего сковывания народной воли. А бодрствующее сознание всегда враждебно режиму, нацеленному на свои корыстные интересы.

Если мы хотим знать правду о том, кто нас ведет, куда и зачем, – надо чаще браться за оголенные провода. То есть вникать в суть происходящего и, называя вещи своими именами, делать определенные выводы.

Честный анализ событий может способствовать этому.

Когда я возглавлял госкомиссию по изучению и рассекречиванию закрытых документов, много спрятанной правды открылось мне из недавнего прошлого. А работа в российском правительстве и других органах власти позволила дотянуться до строго охраняемых секретов нынешнего Кремля. Собираясь еще раньше выплеснуть кое-что на читателя.

Классик русской литературы Виктор Петрович Астафьев сказал мне: «Не торопись». Мы снимали о нем фильм в Овсянке не берегу Енисея и в перерыве ели гороховый суп, приготовленный классиком. Тогда одни за другими издавались «размышлизмы» действующих политиков. Больной, но бодрый Виктор Петрович посмеивался над ними: «Какое-то недержание у людей – торопятся с конъюнктурными скороспелками попасть на книжные полки. Но нет от них сытости мысли: не отстоялось. Я даже гороховому супу даю отстояться. Писать надо, когда нельзя не писать».

Нельзя не писать – это теперь про меня. В молодежных аудиториях нас, ветеранов политики, стали терзать расспросами: а как на самом деле умирал Советский Союз и почему Россия не выбирается из колеи, которая ведет туда же, где вдруг очутился СССР? Люди хотят достучаться до правды, а она за тяжелыми засовами демагогии и удобных для власти мифов, сочиняемых по заказу. На официальном уровне идет героизация палачей постсоветской эпохи и воспевание палачества как явления, а защита интересов народа выдается за злодеяние.

Почему так происходит? В своих заметках, основанных на редких документах, на личных наблюдениях и в чем-то покайных, я попытался ответить на этот вопрос. Можно воспринимать изложенное в книге как свидетельские показания: на моих глазах происходили события – от подготовки к разгрому великой державы и подбора кадров для достижения этой цели до превращения демократической России в угрюмый паханат.

* * *

И теперь на моих же глазах (как и на ваших глазах, читатель) этот паханат все прочнее утверждается в нашей стране.

Отслужил два срока президентом Владимир Владимирович Путин, посидел на кремлевском троне Дмитрий Анатольевич Медведев, и вот Путин снова на вершине власти... Почти три пятилетки правят они страной при благоприятнейшей мировой конъюнктуре. Сами, как говорится, не нищенствуют и наплодили целую кучу валютных миллиардеров – из друзей, из знакомых.

А что получила за эти щедрые, изобильные годы Россия, что получили мы с вами – ее народ? На эти вопросы я постарался дать в книге обстоятельные ответы.

Мы очутились в бесштанной незащищенной стране, которую безнаказанно шпыняют кому ни лень – вплоть до государств-замухрышек.

Не на ту дорогу вывел Россию Ельцин, и мы растеряли в пути то, что имели? Да, говорили нам кремлевские небожители, так оно и случилось.

Но за три пятилетки можно было раз пять, если не раз десять, свернуть с гибельной ельцинской тропы по топким болотам и выйти на торную прямую дорогу. Ни Путин, ни Медведев сделать этого не пытались.

Почему?

Удивительно, но общество в своем большинстве теряет способность думать – слепой ум делает погоду. Как незрячий человек верит безоговорочно поводырю и безрассудно ему подчиняется, так и слепой ум не сомневается в искренности слов мошенников от политики. Он воспринимает демагогию властей некритично, не может самостоятельно проанализировать ситуацию.

Да и сами власти, если разобраться всерьез, и Кремль в первую очередь, за сиюминутными выгодами для себя не замечают или не хотят замечать надвигающейся угрозы для российской государственности.

Полная бесконтрольность и неограниченная доступность к финансовым ресурсам страны затмевают их разум.

Эта угроза – в одноногой России.

Еще со школы мы знаем: чем больше опор у конструкции, тем остойчивее, прочнее эта конструкция. Не важно – здание вы возводите или проектируете какой-нибудь механизм. Для государственного устройства применимы те же принципы.

Не случайно же еще в античные времена Афины и Рим с подведомственными им провинциями расставались с одноногим абсолютизмом. Разделяя власти на три самостоятельные и независимые друг от друга опоры – законодательную, исполнительную и судебную – подводили эти опоры для усиления остойчивости государства под общественный строй.

Тогда же в европейской политике получил прописку сложный комплекс сдержек и противовесов, разработанный для сохранения равновесия между тремя ветвями власти, чтобы свести к минимуму риски произвола и коррупции.

Опять-таки еще со школы я знал, как, очевидно, и вы, читатель, что античный мир заложил для дальнейшего развития цивилизации мощнейшую базу – расцвели наука, медицина, техника, астрономия, философия, юриспруденция, физика, математика, литература, театр, градостроительство и проч. и проч.

США, например, создавали свои государственные институты в конце XVIII – начала XIX века под влиянием древнеримских образцов. А уровня развития естественных наук, медицины и астрономии Европа, после тяжелой контузии Средневековьем, достигла лишь в начале XIX столетия.

Не весь объем информации интересовал составителей программ для школ и вузов. Многое казалось им мелким, не заслуживающим внимания. Вот, например, нормативы на строительство древних дорог. Ну кому они интересны!? А я, будучи в Италии, наткнулся на них в архивах и поразила высочайшей организации обыденной жизни в Римской республике.

До таких нормативов и сегодня додумались не везде. А там детально расписаны принципы трассировки, ширина полотна и его конструкция, допустимые уклоны, калибры водосточков и многое другое – от этого определялись категории дорог. Причем нормативы были закреплены законодательными актами парламента. Исполнители не могли пороть отсебятину и гнать брак. Потому-то немало римских дорог сохранилось по сию пору.

Напомню: это было два тысячелетия назад.

А потом Старый Свет будто погрузился на несколько столетий во мрак полного солнечного затмения – деградировало все. А что деградации не поддавалось – было разрушено силой.

Вы, читатель, наверное, знаете причину этой вселенской катастрофы. И позиция ваша зависит от источников информации.

Я же в этом вопросе не могу, да и не хочу, отмахиваться от мнений таких философов-просветителей, как Вольтер, Монтескье, Шопенгауэр, Шеллинг, Фейербах и другие. Они считали, что виной всему «христианский динамит», а точнее, введение христианства в Европе (христианизация) – это отбросило цивилизацию континента на тысячелетие. «Христианская церковь ничего не оставила не тронутым в своей порче, она обесценила всякую ценность, из всякой истины она сделала ложь...» «Христианство было вампиром *imperii Romani*, за ночь оно погубило огромное дело римлян – приготовить почву для великой культуры...»

Это слова еще одного мыслителя – Ницше. В его учении немало противоречий, но наблюдения всегда точны. В том числе за становлением ранней западной церкви, которая «конфисковала мораль». Философ говорит: «Это был самый роковой род мании величия, какой когда-либо до сих пор существовал на земле: маленькие вырожденные святоши и лжецы стали употреблять понятия «Бог», «истина», «свет», «дух», «любовь», «мудрость», «жизнь», как синонимы самих себя, чтобы этим отграничить от себя «мир» (Фридрих Ницше, «Антихрист», главы 44, 58, 62).

Из истории, как слов из песни, фактов не выкинешь. Что было – то было с ранней Церковью. Обосновавшись в языческой Европе, она стала активно прибирать к своим рукам очаги управления обществом. Монополизировала институты контроля за состоянием науки, культуры, философии, права, морали и т. д., что позволило ей зомбировать человека феодальной эпохи и с его помощью превратить античную цивилизацию в руины. И на этих руинах утвердить свою мораль, свои ценности – с преследованием инициативы, красоты, учености, таланта, с кострами и пыточными подвалами инквизиции, с унижением человеческого достоинства.

Только возрастающее сопротивление народов позволило ослабить нажим Церкви – и мы стали возвращаться к античным истокам.

Этой крепкой спайке высшего духовенства с властолюбивыми светскими правителями мы обязаны истреблению демократии римского образца по всей Европе и утверждению в странах континента жесткого абсолютизма, различных диктаторских и фашистских режимов.

Одноногая структура власти не способствовала процветанию таких государств. И тем не менее возвращаться к демократии народам приходилось с помощью революций или гражданских войн.

В середине XX века рушились в Европе последние колонны абсолютизма – в Португалии, Германии, Испании, Италии... Одноногая конструкция государства оставалась только в СССР. Еще со времен Троцкого.

При Сталине эта конструкция стояла прочно, но при его сменщиках стала с каждым годом все больше крениться. Почему?

Предварю ответ тем, что при демократической организации деятельности государства вся тяжесть проблем распределяется равномерно на несколько точек опоры, а при одноногой системе – на волю только одного человека. Там – ветви власти и все государственные институты действуют автономно и суверенно, без оглядки на чье-то желание, а лишь на основе законов, одобренных обществом. Здесь – по командам и прихоти диктатора. Если вождь не крохобор и не хапуга, то в обществе вырабатывается неприязнь к воровству. Жуликам в таком климате не уютно. А если глава государства сам плюет на законы с Ивановской колокольни да еще крышует каких-нибудь сердюковых, значит бал в стране будут править ворюги. Править и измываться над вами, читатель.

Роль личности на вершине власти при абсолютизме гипертрофирована – народ уже не влияет на судьбу страны. Эта судьба целиком зависит от морального и интеллектуального состояния узурпатора.

Личность Сталина была такой широты и мощи, что одноногая система управления без труда и основательно держалась на его плечах. Сталина можно сравнить с биороботом, все-

цело устремленным на развитие государства и собранным из сверхпрочных элементов. Золотая голова, стальной характер, железная воля, гранитный аскетизм... Он везде успевал, во все вникал и не ленился лично контролировать и направлять многочисленные процессы в то русло, которое считал единственно верным.

Власть для него была инструментом для преобразования государства.

Преемники Сталина приходили к власти уже не ради того, чтобы положить жизнь за страну. Им нужны были уют, особые условия быта, бесконтрольность и беспрекословное подчинение себе всех и вся.

Они оставили сталинскую структуру власти, перевели рычаги управления на себя, но не имели необходимой энергетики и интеллектуальной силы пользоваться ими и контролировать процессы. «Беспривязное» чиновничество – партийное, гэбэшное, прокурорское, советское и проч. – почувствовало вольницу (ведь жило это племя не по законам, а по указивкам сверху) и начало подгрызать, казалось, нерушимую стойку, на которой держался СССР. Подгрызать воровством, бесхозяйственностью, распространением националистического угара.

Зная алчную суть чиновничества, Сталин регулярно прочищал его ряды, используя в кадровой работе угрозу тюремных нар и каменной стенки. Это сохраняло порядок.

Преемники вождя отказались от этого метода. А другие при одноногой модели общественного устройства неэффективны. И растащивка государства, предательство его интересов приняли массовый характер.

По инерции, заданной Сталиным, Советский Союз еще двигался вперед, причем долгое время. Но одноногая конструкция государства в конце концов не выдержала алчности чиновничества и опрокинулась навзничь.

Вот такая модель государства, подсунутая нам когда-то связкой высшего духовенства и светских властолюбцев! Модель опасная, рождающая только безответственность и бесконтрольность правителей.

На исходе 80-х и в самом начале 90-х очнувшееся общество новой России попыталось встать на демократические опоры. Но сначала Ельцин, а потом Путин занялись наглой узурпацией власти. Об этом я и рассказываю в своей книге.

Не оскудевает российская земля политическими авантюристами. Сморяю, как шустро подсунул паханат себе под зад – чтобы мягче сиделось – Совет Федерации и Госдуму РФ, прокуратуру, следственный комитет, судебный корпус, полицию, бизнес, средства массовой информации. Одноногий абсолютизм заявляет о себе все решительнее. Причем даже не скрывает, что несет с собой разрушительную силу. Совсем скоро может войти в привычный обиход термин «олигархический фашизм».

И опять наблюдаем мы спайку высшего духовенства Церкви со светскими претендентами на личную диктатуру. Церковь сама организована на принципах монополизма. И светская власть ей выгодна та, где царствует монополизм, абсолютизм. Они опираются друг на друга, извлекая материальную выгоду.

Центр тяжести в многонациональной сегодняшней одноногой России расположен так же высоко, как высоко он был расположен в одноногом Советском Союзе. И вороватая публика из чиновничества и олигархов грызет конструкцию с такой же силой, как и в прежние времена. Эта конструкция шатается все сильнее, готовая рухнуть от даже несильного ветра.

Опять нам собирать осколки того, что было когда-то домом? Или мы научимся не наступать на одни и те же грабли?..

В книге достаточно места уделено сегодняшнему состоянию средств массовой информации России. Многие журналисты, переименовав Максима Горького, могут так выражать свою нынешнюю гражданскую позицию: «Бесчинству власти поем мы песню!».

Мелкая сущность бюрократии 90-х годов помогла разрушить большую страну – СССР. Она же принялась активно подгрызать цель поменьше – Россию.

Что нас ожидает? Читайте эти заметки.

Глава I

Воруй-город и красная гусеница

1

Перебивать косточки власти – любимое занятие наших людей. На кухнях. За дружескими застольями. И даже в тайге.

Был у меня знакомый охотник-промысловик Федор Паутов, ловил капканами баргузинских соболей. В его закопченной сторожке я пару раз ночевал. Долгими зимними вечерами Паутов обрабатывал в избушке шкурки зверьков. Постоянное одиночество при подрагивании язычка пламени в керосиновой лампе рождало в охотнике самодеятельного философа. Он всему находил свое объяснение.

– Власть – это эгоистичная женщина, – говорил Паутов. – Она хочет быть у тебя единственной и на всю жизнь. Сколько проклятой ни давай, ей все мало. Ты вроде бы сам приводил ее в свой дом, а захочешь прогнать – не получится. С местными начальниками проще. А с самыми большими – никак. Оплот у них очень надежный.

А оплот – кто? На это у охотника тоже имелся ответ: феодалы. Они были и будут всегда. Разговоры наши шли еще в советские времена, и феодалами Паутов называл партийных секретарей.

Охотник мужицким чутьем доходил до понимания характера власти в Советском Союзе. Да и не только он. Народ хоть и не участвовал в назначениях кремлевских постояльцев, но видел, из каких элементов конструировался режим.

Кремлевские постояльцы – генеральные секретари ЦК КПСС – не были самодержцами Всея Руси. Из своей среды их отбирали и ставили на божницу члены Центрального комитета – первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик. По определению охотника Паутова, феодалы. Сговорившись, эти феодалы могли сместить генсека, что они сделали с Никитой Хрущевым. Но это был исключительный случай. Первые секретари оберегали режим от малейших встрясок, потому что были его опорой и сердцевиной.

Они, как гусеницы, готовились превратиться в бабочек, чтобы, расправив крылья, самим взлететь на божницу. И до сих пор непонятно, по каким признакам секретари отбирали себе вождей. Теперь это не так важно.

Важнее осмыслить другое: как умудрились они сдать свою, казалось бы, неприступную власть и страну? Как из партийных секретарей выклевывались руководители постсоветской поры, и в частности новой России? Как из номенклатурной гусеницы выростало крылатое существо и воспаряло в большую политику? И наконец, какая среда формировала взгляды, сортировала красных партийных гусениц по полочкам иерархии? Прежде чем перейти к конкретным фамилиям – и в первую очередь к фамилии Ельцин – сделаю краткий экскурс в историю с секретарями.

За двадцать пять лет работы в советской печати я повидал много партийных функционеров. С кем-то сходил на короткое, с кем-то общался по долгу службы. Сегодня их преподносят как этакий монолит, как безликий отряд исполнителей, обструганных сусловским ретроградством. Нет, это были разные люди, порой разные до противоположности – и по широте кругозора, и по отношению к людям, к работе и даже по отношению к святым святым – самой машине власти в СССР. Опираюсь в этих выводах на личные наблюдения. Поделюсь некоторыми из них.

С первым секретарем Восточноказахстанского обкома партии Неклюдовым я познакомился, как говорится, по случаю. Московский журнал «Партийная жизнь» заказал ему статью о перспективах социально-экономического развития Рудного Алтая. Край этот был тогда на подъеме: добывал золото, серебро и редкоземельные металлы, перерабатывал урановое сырье, выпускал машины, строил заводы и гидростанции. Как там трудились в обкоме над материалом, не ведаю, но звонит Неклюдов редактору областной газеты «Рудный Алтай»:

– Мне отделы набросали статью – не статья, а сухая справка. Подошли молодого парня, не зашоренного штампами, мы тут с ним поработаем...

Молодым литсотрудником был я, меня и отрядили на рабское дело.

Мне пришлось поднять ворохи документов, протоколы пленумов и заседаний бюро – там же, в обкоме, накропал на машинке новый вариант статьи Неклюдова, который журнал и опубликовал. Через какое-то время звонит помощник секретаря: его шеф вызывает меня к себе.

Никогда не ждешь приятностей от походов к начальству. Но тут хозяин кабинета подходит к столу в комнате отдыха – там самоварчик и два стакана в «партийных» подстаканниках, ломтики лимона на блюдцах. Это был фирменный набор для частных бесед у обладателей номенклатурных кабинетов. В самоваре не чай, а коньяк. Секретарь нацедил по полстакана, открыл сейф и протянул мне конверт с деньгами.

– Вот гонорар за статью, он ваш, – сказал он, взявшись правой рукой за стакан. – Нет, нет, возражать бесполезно. Чужую работу я присваивать не приучен. Давайте за успешное дело и еще раз спасибо!

На том и расстались.

У партработников считалось за правило ездить по своим регионам и «шевелить» хозяйственное начальство. Часто мотался по области и Неклюдов. Но было у него еще одно правило: он всегда готов был посадить в свою машину кого-то из журналистов. Не для пиара, а чтобы подбросить к объекту. Звонит редактору газеты помощник секретаря: «Завтра шеф едет на Зыряновский свинцово-цинковый комбинат. Есть место в машине. Быть в семь утра у обкома». Или: «Завтра шеф едет на Бухтарминскую ГЭС, выезд в шесть утра». Расстояния в области большие, а с транспортом у редакции было худо. Иногда редактор отказывался из-за нехватки штыков, а чаще звал кого-то из свободных сотрудников и отправлял в командировку «окунуться в проблемы». Многократно приходилось ездить и мне.

В долгой дороге не всегда попадались столовые. Останавливались и, подняв капот машины, подогревали на двигателе банки с тушенкой. Управлялись с банками всем экипажем.

Мы не составляли свиту секретаря. А добравшись в его машине до места, шли заниматься своими делами, возвращаясь обратно на перекладных. И все же я видел не раз, как этот прямолинейный рязанский мужик резко отчитывал директоров за очковитительство, за тесноту в рабочих бытовках и даже за грязь в туалетах.

По правде сказать, думалось поначалу, что этот человек с боксерскими кулаками такой смелый с людьми, от него зависящими. Но как-то на территории титано-магниевого комбината я стоял в окружении монтажников и слушал их жалобы на неустроенность. Подъехали несколько легковых машин, из первой вышли Неклюдов и всеильный председатель Совмина СССР Косыгин, прилетевший в область с инспекцией. Они покрутились вокруг строящегося цеха и направились к монтажникам. К моим недавним собеседникам стали подтягиваться другие рабочие.

Обычные вопросы приезжего начальства: как живете? как дела? Будто трубу прорвало, как полилось из людей недовольство. Плохо с жильем, нет детсадов, прожить на зарплату трудно. И все в том же духе. Косыгин слушал, покусывая губы, потом, как мне показалось, со злобой произнес:

– Хватит! Плохо работаете! Надо лучше работать – тогда и жить будете лучше.

Наступила неловкая тишина. И тут раздался простуженный голос Неклюдова:

– Не надо людей обижать, Алексей Николаевич. Работают они хорошо. Плохо работает ваш Госплан: дает средства и фонды только на промышленные объекты, а весь соцкультбыт зарубает. Вот достроим цеха, но кто в них будет работать? Некому!

Было заметно, как у предсовмина краснеют уши.

– Ну, это обсуждать не на митингах, – сердито бросил Косыгин. И они уехали.

Не знаю, какие у них разговоры были потом – и в области, и в Москве, только пошли вскоре деньги и на жилье, и на школы с детсадами, и даже на дворец культуры. За короткое время вырос большой поселок Новая Согра. А Неклюдов работал еще несколько лет.

Почему так подробно рассказываю о человеке с чужого теперь для России Рудного Алтая. Не потому, что это впечатление молодости. Неклюдов не составлял исключения, более того, он был типичен в секретарской среде 60—70-х годов прошлого века. Перейдя работать в газету «Правда» – «Правда» была тогда не нынешним зюгановским бюллетенем, а могущественным изданием тиражом 14 миллионов экземпляров, где, помимо официоза, печатались публицистические статьи, фельетоны, аналитические материалы, – я имел возможность много ездить по стране. И видел немало подобных секретарей – особенно в России.

Невозможно забыть того же Конотопа, первого секретаря Московского обкома КПСС. Он не просто противился установкам партии на уничтожение «неперспективной» деревни, а даже с некоторым вызовом бросил все силы на благоустройство этой деревни – жильем, школами, детсадами и магазинами. К тому же Василий Иванович сидел как заноза в номенклатурной попе чиновников центральных аппаратов ЦК и Совмина – не позволял вырубать леса Подмосковья под расширение дачных угодий. И те в отместку стучали на него Брежневу при каждом удобном случае. Мы в «Правде» старались поддержать руководителя московского обкома сочувственными публикациями. Хотя всякий раз получали за это нагоняй от наших кураторов.

И Конотоп, и Неклюдов, и множество других первых секретарей попали на эти должности в хрущевский период демонстративного «очеловечивания партийных кадров». Вычищая сталинских назначенцев и являя себя демократом, Хрущев двигал на ключевые посты людей от сохи, которые придерживались здравого смысла в работе и еще не научились жить по принципу «чего изволите?». Немало этих секретарей досталось в наследство Брежневу.

Развращает любая власть. У первых секретарей она была немалая. Но в эпоху раннего Брежнева разгуляться им не давали – над всеми постоянно висел домоклов меч в виде твердой руки Суслова. Того самого Суслова, второго секретаря ЦК КПСС, ведающего партийными кадрами. Он имел тогда огромный вес, большое влияние, и даже генсек побаивался его – в костлявом Суслове ему мерещилась тень Сталина.

С одной стороны, это был закостенелый догматик, малюта скуратор для отступников от постулатов марксизма. Вынюхивал инакомыслие в трудах творческой интеллигенции. А с другой, представлял из себя бессребреника, аскета. Годами носил одну пару галош, а половину зарплаты отдавал в партийную кассу. Спартанского образа жизни Суслов требовал и от кадров. Он развернул борьбу с партийными попойками, получившими распространение при Хрущеве. Как приговор, не подлежащий обжалованию, стали звучать для секретарей обвинения в барстве и стяжательстве.

Сусловскую инквизицию – Комитет партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС – возглавлял другой экзекутор – Пельше. Он рассылал своих опричников по регионам, и те рыли землю в поисках компромата. По линии КПК было снято много голов с партийных секретарей, возомнивших себя удельными князьями. Результаты проверок и беспощадные вердикты по ним направлялись в партийные комитеты страны. Это заставляло других призадуматься.

С годами, однако, все заметнее набирал силу Брежнев, от коллективного руководства оставались одни ошметки. Была задвинута на задворки и спарка Суслова с Пельше. Построенная на принципе жесткого централизма КПСС, уже в который раз за свою историю подчинила

себя воле чиновников из аппарата ЦК. Иного и быть не могло: централизм всегда приводит к единоначалию. Создавая любую вертикаль власти, упрешься в это единоначалие, где вождь только царствует, а его полномочия растащила стая приближенных чиновников.

При «ручном управлении» страной только сверхэнергичный Сталин, закаленный Гражданской войной и интригами, ухитрялся не отдавать свою власть в руки чиновничьего аппарата. Те же, кто шел после «вождя всех народов», в той или иной степени становились марионетками этого аппарата.

Брежнев, как известно, был сам большим жизнелюбом – и гулянки ему подавай, и золото, и охоту. А куда конь с копытом, туда и рак с клешней: чиновники аппарата ЦК тоже возлюбили подношения, поездки в те регионы, где и сауны с угощениями, и чемоданы с подарками занесут в самолет. Секретари обкомов, привыкшие честно работать и считавшие скромность за норму, в результате аппаратных интриг оказались чужими на этом празднике жизни. Система стала выдавливать их – человека за человеком. Ершистая позиция кадров, их твердость в отстаивании интересов дела воспринимались бюрократами-жизнелюбами наверху, как покушение на общественные устои.

Послевоенный экономический ренессанс убаюкивал многих. Все, что поднимало страну, все что делало ее сверхдержавой – и ракетостроение, и воздушный флот, и ядерная мощь, и многое другое – закладывалось и проектировалось в сталинские годы. Пусть иногда и в шарашках или зонах, окруженных колючей проволокой. Даже решение о строительстве первой атомной подводной лодки в СССР было подписано еще в сентябре 1952 года Сталиным.

А за темпами мирового научно-технического прогресса сталинская система кнута стала не поспевать. Дальновидные технократы – в Политбюро и Правительстве – бились с «карьерными партийцами», не нюхавшими производства, за обновление экономических механизмов. Удивительно, но борьба шла между прогрессивными членами ЦК и заскорузлыми аппаратчиками, спекулировавшими близостью к генсеку. Надо было менять машину власти и принципы руководства экономикой, чтобы на всех уровнях людям стало выгодно добиваться высоких результатов работы. Только зачем это празднующим чиновникам аппарата ЦК, если жареный петух не клюет! Они изо всех сил держались за систему кнута, но у которой для удобства «своих» вождей регионов свинтили гайки безответственностью и очковитирательством. Кнут – для рабочего люда, а для партийной бюрократии – больше уюта и льгот. Началось плавное, пока не очень заметное, перерождение этой бюрократии в буржуазию. Своего пика оно достигнет к концу 80-х годов.

По логике чиновников из Кремля, и что это за демагогия о приоритете интересов дела! Руководство страны, дескать, шупает теперь не результаты, а смотрит на показатели: нужна оптимистическая цифирь в отчетах. И цифирь радовала. А дела? Они частично отодвинулись на второй план. На Балхашском медеплавильном заводе в 1979 году я увидел в работе прокатный стан, выпущенный в Германии до войны. На нем красовались клейма со свастикой. По инструкции смазывать узлы стана полагалось салом шпик, но время было голодное, рабочие этого сала не видели, и для смазки использовали солидол. А стан буянил и безбожно мял лист: в цехе возвышались штабеля изуродованного проката. Между тем, на задворках завода уже не первый год лежал в ящиках новый импортный стан, купленный за валюту. Почему не монтируете? «А куда спешить, с плановыми показателями у завода полный ажур, к чему лишняя головная боль». В те годы много рыскали по предприятиям «народные мстители» – активисты комитетов народного контроля. Они доносили по инстанциям, что под дождем и снегом валяется по стране нового импортного оборудования на десятки миллионов долларов. В тех ценах! Центральные газеты охотно печатали материалы контролеров, а КПК исключал виновных расчитателей из партии и отдавал на расправу прокуратуре.

Правда, аппаратчики ЦК всячески старались умирить пыл «народных мстителей». Чтобы они не лезли в газеты с разоблачениями и чтобы сами журналисты не зарывались, была дана

команда Главлиту – этому защитнику гостайн – не допускать к печати материалы о громких фактах безхозяйственности. Варварское использование недр – государственная тайна. Печать нельзя. Опасное загрязнение окружающей среды – государственная тайна. Даже низкую урожайность зерновых ввели в разряд государственных тайн. Первые секретари, которые думали только о личной карьере и которых народ называл временщиками, блаженствовали. Влиятельные чиновники из ЦК ставили заслоны от критики этих людей и их регионов. Потому что курировали их, кормились там и могли погореть, донеси до верхов кто-то правду. Появилось множество так называемых закрытых зон.

В одну из таких зон я прилетел как-то по просьбе народных контролеров. Шел теплоход по Оби и на фарватере в районе Сургута натолкнулся на что-то и пропорол днище. Полезли водолазы смотреть, а там все завалено стальными трубами. В Тюменском обкоме на контролеров прищипнули: не выносить сор из избы! Выяснилось, что виновник инцидента Миннефтегазстрой СССР – он прокладывал в области нефтепроводы. Трубы с «материка» привозили на баржах, складировали на берегах Оби, а дальше на машинах по участкам. Трассу нужно строго вести по проекту: геодезисты указывали проектировщикам гиблые места, где могут деформироваться трубы на стыках, и нефтепровод на чертежах огибал эти места. По утвержденному километражу составлялась смета.

Но строители шли напрямик, плюхали трубы в эти «сучьи места» (может быть, когда-то оторвется сие авариями!) и составляли отчеты о досрочном выполнении проектного задания. Лишних труб набралось несколько десятков километров. Как с ними быть? Чтобы они не мозолили глаза пассажирам вертолетов, столкнули штабеля бульдозерами в Обь.

Повадки показушников из Миннефтегазстроя мне были известны. За несколько месяцев до поездки в Тюмень я летал на полуостров Мангышлак: там вводили в строй нефтепровод от нового месторождения к морскому терминалу. Все было торжественно – телекамеры, речи, оркестры. В величавых позах стояло руководство обкома партии. Запульсировала нефть из трубы, замминистра подставил ладони, и все вокруг озарилось от фотовспышек. Потом нефть перестала идти, сказали, что нужно кое-где подналадить. Что-то подозрительное было в этом шумном мероприятии. На завтра я поехал по трассе и уже километров через пятнадцать увидел конец нефтепровода и там цистерны, из которых закачивали жидкость для показушной акции. А до месторождения, откуда и должна была течь нефть по трубам, ой как далеко! Проехал до него по нетронутой пустыне, и там меня встретили два гудящих огненных столба высотой с девятиэтажный дом – горели фонтанирующие скважины. Такие пожары случаются из-за грубого нарушения техники безопасности. Так что до реального пуска месторождения коню негде было валяться еще не один месяц.

Какой смысл обкомовским чиновникам Мангышлака и здесь, в Тюмени, прикрывать очковтирательство бракоделов? Вопрос профанистый по тем временам. Кому же было не понятно, что обком и прежде всего его первый секретарь – руководящая и вдохновляющая сила всех трудовых побед региона. Вернее, рапортов о них. Главное протрубить о досрочном вводе объектов. А министерство еще долгое время не будет спускать им плановое задание. Под видом доводки оборудования. Продукции нет, зато есть награды обкомовским и министерским чиновникам.

Тюмень и города вокруг нее (в состав области входил и Хантымансийский национальный округ) поразили меня тогда своей убогостью: деревянные домишки, сторбленные от старости, непролазная грязь. Ни культурных центров, ни современных микрорайонов. Многие семьи жили в балках. Балок – это горе, лыком подпоясанное: обрезок газопроводной трубы диаметром 1,4 метра, обшитый досками с торцов и с вырезанными сварщиками окошками. Тюменские главки получали «под нефть» из Госплана громадные деньги и пытались обустроить город. Кивали при этом на Арабские Эмираты. Но все усилия пресекались первым секрета-

рем обкома партии Богомяковым. «Никаких побочных трат! Все средства только для выкачки нефти». И шли отчеты из области – один радужнее другого.

Эта позиция Богомякова очень нравилась его кремлевским кураторам: в экономике обрзовывались провал за провалом, а на нефть можно купить за границей и зерно, и оборудование, и даже преданность ленинизму некоторых африканских режимов. На секретаря, журча, стекали награды – орден Ленина, орден Октябрьской Революции, два ордена Трудового Красного Знамени и прочая и прочая. Я спросил при встрече Богомякова: почему в области ничего не делается для людей?

– Стране нужна нефть, – ответил секретарь. – А народ может потерпеть.

Мы с ним тогда еще не знали, что всякому терпению приходит конец.

В Тюмени я подружился с одним из первооткрывателей сибирской нефти – начальником Главтюменьгеологии Фарманом Салмановым. Он тоже испытал на своей голове силу обкомовского кулака: несмотря на предупреждения построил крупный спортивный комплекс и получил строгий выговор.

– Нефть утечет, – сказал Салманов Богомякову на заседании бюро обкома. – А что вы оставите области?

Фарман сам сконструировал агрегат для разделки рыбы на строганину. Пригласил к себе на дачу для опробования изобретения начальников других главков и меня. Заправили агрегат мороженой нельмой – грохот, чешуя по всей комнате и истерзанные кусочки мяса.

За вечер успели и над хозяином пошутить и откровенно поговорить о проблемах Сибири.

А вскоре Салманов стал замминистра геологии СССР. Чтобы потом не возвращаться к его персоне, расскажу о казусе, произошедшем с ним.

В середине 92-го, будучи вице-премьером российского правительства, я порекомендовал Салманова Президенту РФ на должность министра топливной промышленности. Вместо одного из «мальчиков» гайдаровского призыва. Все-таки сколько открытий на счету Фармана, лауреат Ленинской премии, Герой Соцтруда, ученый – член-корреспондент Академии наук. И главное – принципиальнейший человек, любимец рабочего люда. Уж он бы не позволил Гайдару сначала обескровить доходную отрасль, а потом рассовать ее по карманам различных жучков. Ельцину понравилось досье на Салманова, и он пригласил его на беседу.

В тундре Фарман простудился и стал глуховат на одно ухо. На это же ухо был глуховат и Ельцин. В кабинете они сели наискосок друг к другу – тугое ухо в тугое ухо, и так общались несколько минут.

– Странный у нас был разговор, – сказал мне после встречи Салманов. – Какой-то нелепый разговор. Я ему об одном, а он мне про другое.

– Не подходит кандидатура, – позвонил мне после их встречи и Ельцин. – Я ему про Фому, а он мне про Ерему. Странноватый человек.

Я расспросил Фармана, как они сидели за столом, и все понял.

Так неверный поворот головы оставил целую отрасль без хорошего хозяина.

Тогда, по возвращении из Тюмени, я написал статью обо всем увиденном. Скандалил с цензорами, защищая абзацы, уговаривал начальство не резать по живому. Наконец материал поставили в номер. А поздно вечером по ТАССу прислали литерную ленту с пометкой «в номер!»: поздравление Брежнева Богомякову с очередным взятым рубежом и благодарность за ленинскую заботу о жителях области. Ну какой из журналиста конкурент товарищу Брежневу, и моя статья полетела в корзину. Оперативно работали ребята в аппарате ЦК!

Ну а были секретари, которые понимали губительность политики Центра и осуждали ее? За «всю Одессу» сказать не могу – многих из них наблюдал только на съездах КПСС, чинно слушающих доклады и так же чинно жующих сосиски в буфетах Кремлевского дворца. Пишу только о том, что сам наблюдал, и о тех, с кем встречался. Да, были среди них люди, у кого диктат кремлевских чиновников вызывал тошноту и кто приходил в ярость от их глупых решений.

Некоторые открыто выступали на пленумах ЦК КПСС, отстаивали передовые позиции. Чем и продвигали общее дело. Но чаще мятежи эти случались в кабинетных беседах, что называется, без права выноса разговора. Свидетелем таких камерных бунтов мне быть приходилось.

Меня командировали как-то в Приморье, посмотреть, насколько продвинулась работа по созданию единого транспортного узла из Дальневосточного морского пароходства, железной дороги и автопредприятий. Страны тихоокеанского региона готовы по Транссибу перебрасывать в Европу свои морские контейнеры и платить за это большие деньги. Дело для СССР весьма выгодное. Я поездил по краю, поговорил со специалистами. От порта Находка, куда должны приходить контейнеры, до Транссиба проложена только одна колея. Там железнодорожные составы и заткнут пробкой весь транспортный поток.

В разговоре с первым секретарем Приморского крайкома партии Ломакиным я поинтересовался, ставил ли он перед Москвой вопрос о выделении средств для срочной прокладки второй колеи между Находкой и Владивостоком. Расстояние там небольшое, можно управиться быстро. Ломакин поднялся из-за стола и подозвал меня к большой карте Советского Союза, висевшей на стене.

– Конечно, ставил, – сказал он. – И о деньгах на реконструкцию угольных шахт тоже ставил – они у нас загигают. Но один очень известный в Союзе партийный вельможа подвел меня в своем кабинете к такой же карте и говорит: «Вот видишь, Приморский край свисает мешком к Китаю. Перекроют китайцы верхушку мешка южнее Хабаровска, и плакали наши денежки. Средств не получишь».

Ломакин помолчал немного, потом, добавив в голосе яда, произнес:

– Вы что же там, в Москве, совсем очумели. Уже и территориями готовы разбрасываться!

В порыве гнева он причесал под одну гребенку с партийными вельможами и меня. Тут было, конечно, не до обид.

Не меньше желчи вылил в своих высказываниях и первый секретарь ЦК компартии Киргизии Турдакун Усубалиев. Я приехал во Фрунзе (Бишкек) уже во время правления Андропова заниматься проблемами местничества. Таким приглушенным термином именовали тогда национализм. Киргизы с узбеками не могли поделить горные пастбища, дело доходило до перестрелок. Узбеки в отместку прекратили поставки цемента из Куvasая строителям гидроэлектростанции на реке Нарын. А еще были крупные межнациональные разборки из-за воды для полива сельхозкультур.

Территорию Киргизии распирает клином Андижанская область Узбекистана. Проехать из Фрунзе на юг своей республики, в Ош, можно только через эту область. Иных дорог нет. И вот по распоряжению первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Рашидова соорудили на границах шлагбаумы и выставили около них милицейские посты. Останавливали все без исключения машины с киргизскими номерами. Высаживали пассажиров. И, вручив им мешки, направляли в поле собирать узбекский хлопок. Если насобирали по 20 килограммов каждый – езжайте дальше. А кто отказывался или не выполнял норму – поворачивайте назад.

– Я пытался поговорить с Шарафом Рашидовым, – делился со мной Усубалиев. – Но он ультимативно предложил передать его республике наши пастбища. Разве мы ханы какие, делать друг другу такие подарки. В Узбекистане полно денег для подмазки москвичей, плюс к этому Шараф кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. А кто я со своим Кыргызстаном?

По стране как раз шли «андроповские облавы»: в кинотеатрах вдруг прерывали сеансы и милиционеры с собаками проверяли у зрителей документы. Так пытались отлавливать тех, кто прогуливает в рабочее время. Хватали людей на рынках и в магазинах.

– Не тем занимается Андропов, – коснулся Усубалиев и этой темы. – Мелкая, вредная суета. По единству Союза уже трещины намечаются – вот за что надо браться всерьез. Я докладывал в ЦК КПСС о нарастании межнациональных кризисов в Средней Азии, а мне отвечают:

разбирайтесь между собой сами. Если здесь сами начнут друг с другом разбираться, еще с оружием в руках, – что будет? О чем думает руководство партии?

О чем думали в руководстве партии, можно было судить хотя бы по высказываниям одного из влиятельных членов Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Кунаева. В том же году мы, группа публицистов центральных газет, прилетели в Алма-Ату, и нас привезли на встречу с Кунаевым. На одной стене кабинета секретаря большой портрет хозяина из рисовой соломы («Подарок хлеборобов Кзыл-Орды»), на другой еще один портрет, вытканый из шерсти («Подарок чимкентских ткачих»). Чай с сушками на столе, недолгий рассказ об успехах республики. Потом Кунаев стал перечислять города Казахстана, куда бы он порекомендовал съездить. Можно в Караганду, там черная металлургия и шахты. Можно в Павлодар, где тракторный завод и производство ферросплавов. Можно в Актюбинск, в Усть-Каменогорск...

– А можно поехать в Орун-бори, – сказал после некоторой паузы Кунаев. – По-русски его называют Оренбург.

– Но это же Россия, – напомнил кто-то из журналистов.

– Нет, это Казахстан! – проговорил хозяин кабинета, прищурившись. – Россия прикарманила Оренбургскую область. Но мы считали и будем считать ее казахской.

До этого мне уже говорили, что любимое произведение Кунаева – националистическая книга Олжаса Сулейменова «Аз и я», где утверждается, будто цивилизацию в Европу принесли казахи на копытах своих лошадей.

Кстати, с середины 80-х годов прошлого века наше общество стало озабоченно почесывать в затылке: откуда в стране взялось столько нарывов, из которых потек гной сепаратизма и этнической нетерпимости. В союзных республиках и автономных образованиях России один за другим начали формироваться национальные народные фронты и им подобные организации, чьи усилия направлялись на разрушение государства. Продукция агитпропа винила в этом только и только происки империалистов и подрывную работу агентов влияния. Но нам, журналистам, хорошо знавшим закоулки партийных трущоб, в общем-то, было понятно, кто закладывал динамит под интернациональные основы страны. Это были сами партийные функционеры. Радикалы от интеллигенции и молодежь – только инструмент в их руках. Они вскармливали националистическое подполье, науськивали на Москву, а когда возня за власть в Кремле при чередке замен фамилий Брежнев – Андропов – Черненко – Горбачев ослабила скрепы, потащили козыри из рукавов.

Зачем это делалось? Выскажу парадоксальное мнение – от безысходности. Бюрократы союзного центра, желая сказать, кто в доме хозяин, переусердствовали в продавливании на местах своих некомпетентных решений. И что пагубнее всего, грубо пережали с администрированием. Заработанное всеми они складывали в общий котел, но делили уже по своему усмотрению. Те, кто был с командой Кремля на короткой ноге или давал взятки, купались в фондах. А многие были вынуждены обивать московские кабинеты, сталкиваясь с чванством чиновников. (По той же опасной дороге пошла теперь путинско-медведевская администрация – о чем чуть позже). Национальные кадры воспринимали это как проявление шовинизма великороссов. Мне запомнился разговор с первым секретарем ЦК Компартии Литвы Гришкявичюсом, когда приезжал в Вильнюс по заданию «Правды». Секретарь прошел всю войну, устанавливал в республике после нее советскую власть.

– В молодости я выкуривал «лесных братьев» из схронов, – сказал Гришкявичюс. – А сейчас так затянули бюрократическую удавку, что хоть самому отправляться в лес и начинать борьбу за свободу действий.

Партийные вожди автономных республик России тоже всюю эксплуатировали чувство национальной ущемленности. Особенно в Татарстане, Башкирии и Туве. Они мечтали об этнократии – собственном мини-государстве, где все решается с позиций примата интересов доми-

нирующей национальности. Опять забегу вперед. Совсем не случайно в Казани, желая заручиться поддержкой автономных образований, Ельцин позднее бросил популистскую фразу: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!». Он по личному опыту секретаря обкома, да и горкома партии, знал, насколько глубоко засел у всех в печенках диктат московской бюрократии, и решил спекулировать на чувстве протеста. Полагая, естественно, что это просто слова, а действия будут совсем другими. Но он не рассчитал взрывной силы высказывания, и пожар сепаратизма пополз по России.

2

Был обычай у журналистов центральных газет встречаться в пивбаре Домжура. Уютный подвал, где не переводились соленые сухарики, а иногда бывали и раки. Там можно было поговорить не спеша, поделиться увиденным в командировках. Рассказывали обычно истории, которые вымарывала из статей сверхбдительная цензура. Истории смешные и грустные.

Перед приходом к власти Горбачева буйство партийной фантазии в стране набрало немалую силу. Кто-то из журналистов вернулся из Ленинграда и поведал, как обком возглавил в городе поход против кровопийцев-комаров. В Ворошиловграде газетчика из Москвы провели на пост № 1 – так, по-мавзолейному, называли круглосуточный милицейский наряд у могилы жены первого секретаря обкома. Кто-то побывал в Краснодаре – там первый секретарь крайкома партии обязал население играть в шахматы. А в Волгограде областной вождь приказал снести бульдозерами все частные теплицы, чтобы люди покупали совхозные помидоры. Словом, поиск обкомами своего неповторимого почерка шел повсеместно.

При этом жизнь шла своим чередом: строились заводы, работали предприятия, снимали урожай с полей. Заведенный когда-то и обновленный «прогрессистами» механизм развития производства и хозяйственных связей продолжал функционировать. Иногда четко, а часто с переборами. Успехи к многим коллективам приходили не благодаря помощи руководства областных комитетов, а вопреки их самодурским решениям. Потому-то союзные министры не подпускали обкомовцев к своим крупным предприятиям, особенно ВПК: «Пропагандой занимайтесь, командовать производством не позволим». Даже кадрами директоров и главных инженеров ведали министерства. Политбюро их поддерживало: страна должна развиваться, а не болтать. Хозяйственники сплошь и рядом были украшены синяками от незаслуженных партийных взысканий.

У меня был знакомый первоцелинник Саша Христенко, директор совхоза недалеко от нынешней Астаны. Он купил в воинской части списанный танк за копейки, без башни, чтобы зимой по бездорожью подвозить сено к животноводческим фермам. Бураны в степи наматают такие сугробы, что даже на тракторе «Кировец» не пролезть. Директора вызвали в обком и дали строгий выговор с занесением в учетную карточку за разбазаривание средств. Пришла зима, из-за метелей не видно белого света, а танк таскает себе на прицепах сено скоту. А по всей округе не могут пробиться к кормам – идет падеж. Опять вызывают в обком: отдай танк в соседний район. А Христенко упертый, бывший матрос Балтийского флота, говорит: «Фиг вам! Я же предлагал оснастить хозяйства танками, списанными на металлолом, а мне выговором по морде. Из принципа не дам!» Ну что же, раз из принципа, тогда получай – исключили директора из партии. Не терпели во многих обкомах людей, кто хватался за принципы, будто за пистолет. Москва заступилась за Христенко.

Но были регионы, которые при разговорах в Домжуре почти никогда не упоминались. Ни со знаком плюс, ни со знаком минус. Среди них была и Свердловская область. Мне не доводилось бывать в ней, но знал, естественно, что область напичкана предприятиями военно-промышленного комплекса. А в регионах, где была сосредоточена «оборонка», обкомам отводилась второстепенная роль. Если на территориях с гражданскими отраслями секретари считались главными толкачами – ездили в Москву вышибать ресурсы, то здесь правили бал влиятельные союзные министры от «оборонки». И со средствами у них задержек не было, и даже руководящие кадры предприятий они, как я уже говорил, подбирали и назначали сами, формально согласовывая с местными партийными органами. А первые секретари, отодвинутые в сторонку, опекали в основном кто строительство, а кто сельское хозяйство.

И когда Ельцина утвердили сначала заводчиком, а потом секретарем ЦК КПСС по строительству, все выглядело логично. Не было в этом выдвижении ничего унижительного, о чем

заговорили потом недоброжелатели Бориса Николаевича. Прежде чем вырастить человека полноценным первым секретарем обкома, его, по неписанным правилам ЦК, обкатывали предварительно на разных должностях в других регионах. Для расширения кругозора. Тогда он, например, как Лигачев, мог сразу претендовать в ЦК на ключевые позиции. А Ельцин был из так называемых местечковых секретарей – в Свердловске учился, в Свердловске начал прорабом и в том же свердловском соку варился все остальные годы. Другой местечковый секретарь из Ставрополя Горбачев, несмотря на эксплуатацию курортных возможностей края, тоже не миновал ступеньки отраслевого секретаря. И свое перемещение в столицу в такой ипостаси Ельцин воспринял как шаг наверх. Тем более что генсек, как я позже узнал, намекнул ему на перспективы карьерного роста.

Заговорили журналисты о Ельцине весной 86-го года, когда он поработал несколько месяцев первым секретарем МГК КПСС. Годами сидел на этом месте член Политбюро Гришин, и от общественной жизни столицы тянуло такой казенщиной, хоть нос зажимай. Гришин появлялся на людях только в дни редких пленумов, восхвалял в тусклых речах руководство страны и рассказывал, какой рай создал для москвичей горком. Потом надолго исчезал в недрах охраняемых кабинетов, оставляя этих москвичей на растерзание взяточникам и бюрократам.

А Ельцин ввалился в Москву как контролер в подсобку универмага, где торгаши рассовывают дефицитный товар по сумкам друзей. В городе с устоями «рука руку моет» поднялся переполох. Секретарь сам ходил по магазинам и рабочим столовым, а из Свердловска пригласил большую группу надежных ребят, и те под видом просителей-москвичей провоцировали чиновников на взятки. Потом их брали с поличным. Но впечатляло не столько это, сколько откровенность публичных высказываний Ельцина. В это же время на экранах ЦТ постоянно мелькал Горбачев: его округлые, как окатыши, фразы, с неизменным «углубить» и «осмыслить», не доходили до сердца. Люди истосковались по честным словам. А Ельцин откровенно говорил о произволе бюрократии и о том, что дальше так жить невозможно.

На его встречу с московской интеллигенцией в доме политпросвещения я пришел из любопытства. Но в ответах секретаря на вопросы собравшихся звучала такая крамола, что впору наряд КГБ вызывать. Он возлагал вину на КПСС за многие промахи, а от самоуверенности центральных властей не оставил камня на камне. Много еще политического кипятка вылил на наши головы Ельцин.

В «Правде» мы напечатали несколько выступлений Бориса Николаевича. Цензура тряслась от бессилия: фрондерствовал не какой-нибудь бумагомарака, а кандидат в члены Политбюро. Для него у них руки коротки. В редакцию пошли письма с просьбами связать авторов с первым секретарем МГК – они готовы работать при нем даже дворниками. Так искренне тогда верили слову.

Осенью 86-го года, поздно вечером, у меня на квартире раздался телефонный звонок. В трубке я узнал скрипучий голос Ельцина. Борис Николаевич хотел бы встретиться со мной завтра утром, желательно часов в семь – больше будет времени для разговора. Приехал по еще темной Москве, в кабинете бодрый Ельцин за голым столом, на котором только раскрытая папка с вырезками моих статей. Видимо, подготовленная помощниками. Поговорили о наших семьях и о том, как непросто приживаться в столице сибирякам.

– Я прочитал ваши статьи, – прервал хозяин кабинета разминочный разговор, – готов подписаться под многими. Мне сейчас очень нужны соратники.

Он снял пиджак и повесил его на спинку стула. Подошел к журнальному столику в углу и, скривившись, большим и указательным пальцами потянул газету «Московская правда». Так тянут из норки дождевого червя.

– Все, что она пишет, меня не устраивает, – произнес Ельцин. – Мне нужен новый главный редактор.

Он вернулся за стол и уже не таким жестким голосом продолжал:

– Предлагаю вам эту должность. Мне вас рекомендовал Валерий Иванович Болдин. Правда, у вас был там какой-то прокол, но это не поменяло его отношения к вам.

Прокол у меня действительно был. И серьезный. Болдин, будущий член ГКЧП, служил тогда помощником Генерального секретаря ЦК КПСС. Он хорошо знал меня по работе в «Правде». И в мае 85-го года, с ведома Горбачева, только что пришедшего к власти, включил в бригаду для подготовки доклада своего шефа на июньском пленуме ЦК. Пленум должен был подхлестнуть темпы развития научно-технического прогресса. Бригадой руководили будущие члены Политбюро Александр Яковлев и Вадим Медведев, мобилизовали в нашу компанию и нескольких академиков, в том числе Абела Аганбегяна. Меня привезли в Волыньское, где размещалась ближняя дача Сталина, и целых полмесяца не выпускали домой – там ночевал, там кормили и даже сигаретами обеспечивали. Секретность была, как в гулаговских шарашках: можно заказывать любые совминовские документы, но все твои выписки из них, все твои черновики охрана вечером запихивала в полосатые мешки и уносила сжигать.

Когда я «отмотал» за забором Волыньского положенный срок, Яковлев разрешил мне взять с собой экземпляр доклада – пошлифовать кое-какие места. За чтением сего опуса меня и застал замглавного редактора «Правды» профессор от экономики Валовой. Он зашел ко мне в кабинет и, увидев разложенные по столу листы доклада, загорелся: «Дай взглянуть на полчасика. Прочитаю и сразу принесу». Как ни возражал, а настойчивость Валовой свое взяла. Не зря он слыл прилипчивым человеком. Ни через полчаса, ни через час доклад мне не вернули. Поднялся на этаж к Валовому, а секретарша: «Он срочно уехал домой». Никаких бумаг не оставил. И дома телефон отключен. Только назавтра принес мой должник строго конфиденциальный документ, пробормотав какие-то извинения.

А через пару дней в «Правде» выходит огромная редакционная статья Валовой, на полполосы, – можно сказать, не статья, а конспект горбачевского доклада о научно-техническом прогрессе. Не зря московский профессор прятался от меня почти целые сутки. До чего же шныроватый мужик! И меня-то угораздило попасться, как карасю на макуху, и подвести всю бригаду. Я был унижен и раздавлен. Ярость Горбачева, говорят, не знала предела. Еще бы! Ему читать доклад на пленуме, а с чем выходить – с перепевами газетной публикации? Пришлось помощникам срочно браться за текст.

Вкратце я рассказал эту историю Ельцину.

– Провинциальная простодырость, – равнодушно отреагировал он. И, припомнив, видимо, что-то свое, добавил: – Нам от нее надо избавляться в Москве. Иначе затопчут. А над моим предложением подумайте.

И мы договорились встретиться дня через три.

Меня в «Правде» не припекало: вольность с командировками у специального корреспондента, промышленяющего анализом эффективности партийного руководства экономикой страны. Не было потогонной системы. Посмотришь на карту Советского Союза – вот тут еще не бывал, надо подумать над темой и съездить. А перейти в городскую газету значило надеть на себя вериги – в издании чиновники привыкли видеть сантехника и лезли с указаниями со всех сторон. Поэтому при следующей и других встречах с Ельциным я подробно обговорил условия перехода в «Московскую правду»: газета должна превратиться из подметальщика улиц в общественно-политическое издание с выходом по подписке на всю страну, а к редактору со всякими установочными звонками будет обращаться только первый секретарь МГК. Он согласился.

А какую сверхзадачу ставит Ельцин перед газетой? Ну, сказал он, надо помогать Михаилу Сергеевичу Горбачеву в его перестроечных усилиях. Тогда он еще дышал почтением при упоминании имени генсека. А в чем помогать? Ведь почти два года стоял у власти Горбачев, именно стоял, топтался на месте, и все это обернулось только эпидемией выборов директоров предприятий. Собирались на собраниях крикуны да бездельники и кричали: «Долой директора

Петрова, он много требует. Сделаем начальником своего парня». Или призывы генсека шельмовать принципиальных хозяйственных руководителей, которые недовольны перестроечной болтовней партийных функционеров. И в этом поддерживать Горбачева? А может быть в том, чтобы по-прежнему усиливался диктат чиновников Центра, все меньше отвечающих за дела? Но, как говорят китайцы: «Не тот дурак, кто на чердаке сеял, а тот, кто ему помогал». Тогда я не понимал, что Горбачев и сам повязан цепями цековских условностей и не может рвануть постромки без риска потерять все.

Ельцин соглашался с доводами как-то пассивно, преодолевая внутренние сомнения. Одно дело бросать с трибуны на потребу публике якобинские фразы, но при этом в действиях своих строго придерживаться установок правящей стаи. И совсем другое – отважиться на полное или хотя бы частичное неприятие правил, установленных этой стаей. Психологически он еще комфортно чувствовал себя в оболочке партийной гусеницы.

Все же мы пришли к общему мнению, что «Московская правда» должна сосредоточить огонь на партийных вельможах и привилегиях, которые те нагребли под себя. Это ахиллесова пята бюрократии, потому что отгораживание номенклатуры от народа больше всего уязвляло людей. Через прорывы этой закрытой темы в газеты и можно было создать у недовольства обывателей критическую массу, способную толкнуть на активный протест.

Но Виктор Афанасьев, главный редактор «Правды», воспротивился моему переходу. Он вытащил меня когда-то из Казахстана в Москву, дал квартиру, и тут такой кувырок. Резонными были его доводы. Но мне хотелось, используя благоприятный момент, попробовать сделать из городской газеты общесоюзную. Да и планы первого секретаря по расчистке авгиевых конюшен в столице сулили нескучную жизнь. Член Политбюро Александр Яковлев, куратор всех идеологических институтов, взялся «утоптать» Афанасьева, но взамен потребовал у Ельцина уступить ему опытного китаиста из аппарата горкома партии. «Торгаши!» – ворчал Борис Николаевич, но все же согласился пойти баш на баш. И в декабре того же года я пришел в «Московскую правду».

3

За одиннадцать месяцев совместной с Ельциным работы мне пришлось стать свидетелем такой эволюции личности, которую другие переживали годами: от сгустка энергии, от уверенного в себе оптимиста до растерянного человека, упустившего твердь из-под ног. Он подробно описал свои московские ощущения в книге «Исповедь на заданную тему». Мне же хочется рассказать о своих ощущениях того непростого периода: как Ельцин выглядел со стороны и какие интриги закручивались в столичных кабинетах.

Кто и когда повесил на Москву ярлык образцового города – не так важно. Но было принято всем ставить ее в пример. Особенно по части производственных успехов. Не дай бог, если какой-нибудь щелкопер вякнет в газете по простоте своей о недостатках на заводах – его в ЦК замордуют внушениями. Не могло быть негатива под боком ЦК! Но стоило внимательно присмотреться к делам, и открывалась безрадостная картина.

В министерствах москвичей называли «декабристами». Как и всем в стране, столичным предприятиям спускали из министерств задания на выпуск продукции. И часто эти годовые задания не выполнялись. А в декабре райкомы партии Москвы, спасая свои предприятия, упрасивали руководителей ведомств скорректировать планы. Министры тоже не без греха. Они стояли на партучете в столичных райкомах и старались с ними не ссориться. Планы задним числом уменьшались, «декабристы» на бумаге оказывались в передовиках, да еще получали премии. А то, что Москве убавляли, профильным предприятиям других регионов прибавляли дополнительными заданиями. Чтобы не падали общие показатели отраслей. Так продолжалось многие годы.

Нужно поискать директоров-чудаков, чтобы при такой райской жизни они еще утруждали себя, скажем, модернизацией производства. Оборудование старело, заводы травили выбросами целые микрорайоны и шлепали продукцию, подобную автомобилю «Москвич». Когда делали фильм «Карл Маркс: молодые годы», производственные кадры снимали на одной из столичных фабрик. Натура удачно передавала ощущение той эпохи.

Мне не раз приходилось ездить с Ельциным по предприятиям. Бросалось в глаза, что он почти всегда был ошарашен увиденным. Возможно, сравнивал со свердловскими заводами военно-промышленного комплекса, где к автоматизированным линиям привыкли, как кухарка к сковороде. Еще более ошарашенным выглядел Ельцин, когда директора таких предприятий и секретари райкомов вместе с ними, вызванные на заседание бюро МГК, зачитывали по бумажкам отчеты о своей работе. И к хвастливому тону докладов, и к заверениям: «вып – перевып» дубовые стены зала давно привыкли. А Ельцин изумленно смотрел на докладчика («За идиотов, что ли, он нас принимает?»), не перебивая, что-то энергично записывал, а потом начал «распиливать» его по частям. Мне многократно приходилось бывать на заседаниях бюро ЦК союзных республик, крайкомов, обкомов, и я признавался себе, что такую цепкость, такую «убийственность» вопросов и такое знание деталей обсуждаемых проблем видел редко. Пишу во времена, когда доброе слово об интеллекте Бориса Николаевича считается неуместным. Но из любой песни не выкинешь слов. Он очень тщательно готовился к заседаниям и в процессе обсуждения, без криков и грубости, превращал самоуверенных особ, как бы пришедших за наградой, в наперсточников-очковтирателей. Но это было в первые месяцы нашей совместной работы.

Чем заканчивались такие сеансы моментов истины? Чаще всего с виновных сдирали начальственные погоны. Или заставляли выкладывать партбилет на стол. Когда позже Ельцина обвинили в издевательствах над московскими кадрами, имели в виду и эти открытые уроки ниспровержения. Коронуя его на Москву, Горбачев дал карт-бланш свердловскому выходцу в очищении столицы от гришинской мафии. И Ельцин со свежими силами рубил партийной

секирой направо-налево, снимая головы с первых лиц районного чиновничества! А кого назначать вместо них? Не мобилизовать же из регионов Союза эшелоны честных профессионалов – назначали тех, кто прежде «ходил» под этими первыми лицами. У них была одна выучка, одни принципы жизни. Поскольку «первые» в закрытой от общества власти всегда подбирают «вторых» и всех остальных под себя. Оценивают их через сито своих моральных критериев. И сколько ни черпай из отравленного колодца, вода будет все та же.

Газета не могла стоять в стороне от борьбы с безответственностью чиновников. Поработав в «Мосправде» немного, я обнаружил в коллективе замечательных журналистов – они умели и материал подать ярко и докопаться до сути проблем. Не их вина, что газета прятала зубы перед чинушами даже среднего уровня, да и не очень заботилась о разносторонних интересах читателей. Такие были обозначены рамки под прессингом опекунов. А заставь того же краснодеревщика постоянно сколачивать ящики для отходов, и в нем тоже будут признавать лишь косорукого плотника. Мне было легче, чем прежним редакторам, – в кармане у меня обещание Ельцина оградить творческий коллектив от мстительного дерганья многочисленными начальниками. Как шутили ребята, их, голодных, выпустили из загородки в урочище непуганых бюрократов. И редакция постаралась использовать свободу в интересах общего дела.

Приятно было смотреть, как раскрываются аналитические способности Аллы Балицкой или Марины Гродницкой. Работу райкомов партии и райисполкомов они изучали, что называется, с лупой в руках – в печать шли их статьи, где обнажались корни казенщины и показухи. На стройках и предприятиях готовы были кричать: «Полундра!» при появлении Наталии Полежаевой. Где брак, где приписки – она находила даже под толстым слоем вранья. Заблестел публицистическими материалами и Шод Муладжанов, нынешний главный редактор «Мосправды»: я сказал ему по секрету о договоренностях с Ельциным начать кампанию против беспредела вельмож. И он согласился взвалить на свои плечи небезопасную тему привилегий чиновников. Методично сдирая маску святош с лица бюрократии, ставил в газете вопрос: «почему?». Почему в обычных школах на головы детям валится штукатурка, а в спецшколах для отпрысков партийных вельмож бассейны в зеркалах, меблированные комнаты психологической разгрузки? Почему в обычных детсадах холод и теснота, а в спецдетсадах за ту же плату райский простор и даже зимние сады с певчими птичками? Почему в больницах для народа постоянные очереди и не хватает врачей, а в ЦКовских поликлиниках на каждого пациента по несколько медиков? Или почему во всех магазинах тотальный дефицит, а в спецраспределителях полный ассортимент продуктов и промтоваров по сниженным ценам? И таких «почему» с публицистическими раздумьями было много. Перед читателями открывалось истинное лицо номенклатуры: хищное, неприглядное.

С азартом работами и другие журналисты – хотел бы всех перечислить, да не об этом разговор. Одни устраивали рейды по магазинам и овощным базам – чем кормят москвичей? Другие занимались дегустацией духовной пищи – шли материалы о репертуарной политике, об отношении издательств к «неофициальным» писателям. Постепенно в редакции дозрели до вопроса: вот полощут всюду слово «перестройка», а что и как должно перестраивать общество? Если политическую систему, то на просевшем фундаменте возводить новые стены небезопасно. Что делать с фундаментом-то? Если браться за хозяйственный механизм, то как не выплеснуть вместе с водой и ребенка? Должны же мы вместе с читателями поискать брод через бурную реку проблем.

И газета завлекла к себе в авторы экономистов с реформаторскими идеями, специалистов по государственному устройству. С немалым трудом, после долгих стычек с цензурой и маскировки острейших мест, напечатали несколько громких статей. Об ущербности уравнительных принципов коммунизма и даже об архаичности ряда ленинских положений. Вскоре мне это припомнят, вытащив на ковер перед всем составом Политбюро, но про это чуть позже. Зато еще больше возрос интерес к нашему изданию.

Подписка на «Мосправду» росла по стране из квартала в квартал. Тираж поднялся в десять раз – со ста тысяч до миллиона экземпляров. Тут и вмешалось управление делами ЦК, по понятным причинам ограничив подписку.

Люди стали распространять газету, оттискивая на ксероксах полосы. Но все это было уже к концу 87-го года.

А в начале лета у нас состоялся с Ельциным памятный разговор. Мы остались в кабинете одни, выглядел Борис Николаевич обеспокоенно. «Вы ничего не замечаете?» – спросил он. А что конкретно надо было заметить? «Я снимаю чиновников за безобразия, а их устраивают на работу в ЦК, – продолжал он. – На бюро заставляем предприятия увеличивать выпуск продукции, а министерства целенаправленно режут фонды на сырье. И везде так: мы толкаем вперед, а нас тянут назад – какой-то тихий саботаж».

Ельцин поднялся из-за стола и стал прохаживаться по кабинету. Внешних причин для тревоги вроде бы нет, рассуждал он, и дисциплину в Москве подтянули, и все идеи первого секретаря чиновники одобряют. Но на словах. А на деле важные решения игнорируют – не демонстративно, но и без особой утайки. Кругом, как болото: бросаешь камни – только чавкает и тут же затягивается. Даже круги перестали идти. Все как будто чего-то ждут.

Мы в редакции тоже заметили: горком начал работать на холостых оборотах. Но объясняли это другим. Ельцин предпочитал внешний эффект от своих поступков: пошумит прилюдно о недостатках и ткнет в чью-нибудь сторону пальцем – «Поручаю!» или «Исправить!». Полагая, что все будет сделано как надо. А чиновники – народ ушлый. Первое время тут же брались за работу, но потом поняли, что Ельцин вскоре забудет о сказанном, переключится на другие проблемы. И что нужно только согласно кивать, а делать не обязательно. Никто не спросит. У горкома был большой аппарат инструкторов и инспекторов, но контроль за исполнением решений налажен из рук вон плохо. Любое дело гибнет от бесконтрольности: нужны не импульсивные жесты, а системная работа. Поручил – проверь: что, когда и как сделано.

Как можно мягче я сказал об этом Борису Николаевичу. Мой ответ его разозлил.

– Вот пусть редакция и возьмет на себя контроль, – пробурчал он.

Это было, конечно, нечто! Небольшой коллектив журналистов станет бегать по столичным предприятиям и сверять по партийным цидулкам – какие пункты каких решений еще не выполнены. А аппарат горкома будет дремать в кабинетах. Но первый секретарь уже забыл про свою идею. Он вслух размышлял, и из этих размышлений выходило: кто-то координирует действия против Бориса Николаевича, чтобы создать впечатление у Горбачева, будто Ельцин может только молоть языком, а на серьезное дело не способен. Ведь генсек не вникает в детали.

Подозрение засело в нем так глубоко, что он возвращался к этому разговору не раз. И было видно, как с каждой неделей им все сильнее овладевала апатия. Я часто приходил в горком. И если раньше стоял шум от посетителей в «предбаннике» Ельцина, то с середины лета это была, пожалуй, самая тихая зона. А директора предприятий и секретари горкомов кучковались в приемной второго секретаря горкома Юрия Белякова. Центр власти переместился туда. Беляков был верным соратником Бориса Николаевича, очень порядочным человеком – по просьбе шефа он переехал в Москву из Свердловска. Ельцин ему доверял и взвалил на него всю работу.

Были ли основания у подозрений Бориса Николаевича? Думаю, были. Московская бюрократия – это не только гигантское осиное гнездо, где ткнешь в одном месте – загудит и примется жалить весь рой. Московская бюрократия – это еще и что-то типа масонского ордена, где все скорешились на взаимоуслугах, пережились и сплелись в липкую паутину финансовых связей. Она простерла щупальцы в Кремль и различные министерства, делегировав туда своих представителей. Эксплуатируя притягательную силу столицы – кому для родственников союзных чиновников квартиру по благу, кому здания для подпольной коммерции – москов-

ская бюрократия повязала номенклатуру тугим узлом круговой поруки. Как говорится, живи в свое удовольствие да радуйся!

А тут свалился на голову заезжий гастролер из Свердловска. Если бы Ельцин сидел, подобно Гришину, как мышь под веником, не дергая мафию за хвост, его бы на тройке с бубенцами ввезли в члены Политбюро, о чем, кстати, очень мечтал Борис Николаевич, являясь только кандидатом. Но Ельцин посягнул на устои бюрократии, на ее уникальное положение, и она как один поднялась на оборону Москвы от «чужеземца». Как не поднималась в 41-м году, отдав эту черную работу сибирякам.

А сама отсиживалась в чистых квартирах города Куйбышева.

Бог не обделил Ельцина хитростью и коварством. И при желании он мог с их помощью нейтрализовать интриги бюрократии, разделяя и властвуя. Что потом Борис Николаевич с успехом делал на президентском посту. А здесь он видел, как Лигачев все откровеннее выражал ему свою неприязнь. Но демонстративно, не учитывая несоразмерности сил, отвечал тем же. Он все еще надеялся на безоговорочную поддержку генсека и продолжал наживать врагов лобовыми атаками. Он полагал по каким-то ему известным причинам, что Горбачев и дальше будет тискать его, как нянька младенца, загораживая от колючего ветра и отгоняя партийных мух. Но ставропольский говорун уже начал увязать во внутрикремлевской борьбе и, потеряв интерес к московскому бузотеру, всем своим поведением как бы стал говорить: «Разбирайся там, парень, сам!» Я не раз заставал Ельцина в кабинете очень расстроенным: звонил Горбачеву, там отвечали, что занят, – освободится, перезвонит. Но ответных звонков не было. По неписаным правилам номенклатуры это воспринималось как тревожный сигнал.

4

Ельцин начинал понимать, что он один. Но вместо того, чтобы собраться внутренне, активно искать выход из положения, секретарь горкома «поплыл». Из него, как из мяча, стал выходить воздух. Что делать дальше? Кругом враждебная среда, Москва, как клетка для вольнолюбивого льва. В Свердловске Ельцин махнул бы на север области, и там, у костра, под шулюм из куропаток и сосьвинскую селедочку пропустил бы с товарищами стаканчик-другой. На сердце полегчало бы, и в себе разобрался получше. А тут съездил раз-другой на Воробьевы горы побродить в одиночестве, полежал в барокамере, насыщаясь кислородом, – никакого удовлетворения. Душно от притворных улыбок чиновников с большой фигой в кармане. Кислорода в душах людей так не хватает, а всю Москву в барокамеру не засунешь! Могу свидетельствовать, что Ельцин тогда не пил, по крайней мере, мне это видеть не приходилось. Он жил в своей московской клетке постоянно на людях и за ним следили сотни предвзятых глаз. Он все больше скисал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.